

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
LIII международной научно-практической конференции*

№ 9 (49)
Сентябрь 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права филиала РГГУ, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии;

Жамулдинов Виктор Николаевич — канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического института, Республика Казахстан.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам ЛШ междунар. науч.-практ. конф. № 9 (49). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. 110 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер **5**

КОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ФАКТОР
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ
Андреева Любовь Александровна 5

Секция 2. Гражданский и арбитражный процесс **16**

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЙНОГО
АППАРАТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О МЕДИАЦИИ
Федулова Саргылана Николаевна 16

Секция 3. Гражданское, жилищное и семейное право **21**

МЕСТО КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В СИСТЕМЕ
ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ
Рябченко Алина Николаевна 21

ФАКТЫ-СОСТОЯНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ
Юрченко Оксана Юрьевна 26

Секция 4. Земельное и экологическое право **31**

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПОВ
РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В СТРАНАХ СНГ
Ходжаев Азим Аббасович 31

Секция 5. История государства и права России и зарубежных стран **40**

РАЗВИТИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ
ПРИНЯТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ГРАЖДАНСКОГО
КОДЕКСА 1804 Г.
Ярмонова Елена Николаевна 40

Секция 6. Конституционное право **45**

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКЕ
Алфимцев Владимир Николаевич 45

Секция 7. Муниципальное право	50
К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Андреева Любовь Александровна	50
НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Андрющенко Светлана Васильевна	59
Секция 8. Теория государства и права	64
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВА Лаврушин Константин Владимирович	64
РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД Чепус Алексей Викторович	68
Секция 9. Трудовое право и право социального обеспечения	75
УЧЕТ МНЕНИЯ ВЫБОРНОГО ПРОФСОЮЗНОГО ОРГАНА ПРИ УВОЛЬНЕНИИ РАБОТНИКА Демидов Николай Вольтович	75
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) Надъярных Елена Эдуардовна	81
Секция 10. Уголовное право	93
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ Герасенков Вадим Михайлович	93
ИЗНАСИЛОВАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА СТРАН СНГ Дядюн Кристина Владимировна	97

СЕКЦИЯ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

КОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ФАКТОР КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, ст. преподаватель Новгородского филиала
Современной гуманитарной академии в г. Великий Новгород,*

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

THE CORRUPTION EXAMINATION AS A CRIMINOLOGICAL FACTOR IN THE ASSESSMENT OF THE STATUS OF THE LEGISLATION OF THE SUBJECT OF FEDERATION

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Novgorod branch
of the Modern University for the Humanities in Veliky Novgorod,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу законодательства, регулирующего систему органов исполнительной власти. Автор указывает риски коррупционных проявлений в системе исполнительной власти субъекта Российской Федерации на примере Новгородской области. На основе комплексного анализа рассмотрены пути совершенствования системы управления и минимизации коррупционных рисков. Анализируются практики мониторинга и экспертизы законодательства

субъекта федерации, автор приходит к выводу о внесении дополнений в законодательство субъекта федерации, регулировании системы исполнительных органов субъекта РФ.

ABSTRACT

This article analyzes the legislation governing the system of Executive authorities of the subject of Federation. The author highlights risks of corruption in the system of Executive authorities of subjects of the Russian Federation on the example of Novgorod region. Based on a comprehensive analysis of ways to improve governance and minimize corruption risks. Discusses practices of monitoring and examination of the legislation of the subject of Federation, the author comes to a conclusion on amendments in legislation of the subject of Federation regulation of the system of Executive bodies of subject of the Russian Federation.

Ключевые слова: субъект федерации; система органов; исполнительные органы власти; полномочия; экспертиза.

Keywords: the subject of the Russian Federation; the system of bodies of the Executive authorities; powers, expertise.

Основным препятствием на пути экономических реформ признана недостаточная эффективность государственного аппарата, излишняя бюрократизация, множественность полномочий аппарата, коррупция. Задачами развития государственного управления являются оптимизация структуры органов исполнительной власти; демократизация управления, его открытость и доступность для граждан. Приоритетными направлениями административной реформы органов исполнительной власти субъектов федерации являются исключение дублирования функций и полномочий органов исполнительной власти субъекта федерации. Одним из важнейших условий эффективной реализации компетенции субъекта федерации является структурирование всей системы исполнительной власти региона, включая отраслевые и функциональные органы исполнительной власти. Автор рассматривает наличие коррупционных и иных элементов в нормативных правовых актах, способствующих проявлениям коррупции в системе исполнительной власти Новгородской области комплексно, в том числе областного законодательства и практику выявления коррупционных преступлений.

Конституция РФ, в основном рамочно, определила систему исполнительной власти в субъекте федерации. Статья 77 Конституции РФ указывает, что система органов государственной власти устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно

в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными Федеральным законом [4]. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ [11] не устраняет проблему употребления терминов «орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации» и «исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации», «Правительство субъекта федерации», «Администрация субъекта федерации» что, по мнению отдельных авторов, имеет принципиальное значение [5]. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ [11] указывает, что в субъекте федерации устанавливается система органов исполнительной власти во главе с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Структура исполнительных органов государственной власти субъекта федерации определяется высшим должностным лицом субъекта в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации. С начала 90-х гг. в субъектах федерации складывались различные модели исполнительной власти, в которых было представлено многообразие вариантов положения высшего должностного лица. В юридической литературе складывалось мнение, что достижение единого стандарта для системы исполнительной власти в субъектах федерации, при таком разнообразии сложившихся моделей, представляет проблему. В частности, для унификации статуса исполнительной власти и ее высшего должностного лица был принят Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ [11]. В результате, в конституции и уставы многих субъектов федерации были внесены изменения, в соответствии с которыми высшее должностное лицо стало непосредственно возглавлять высший орган исполнительной власти. В Новгородской области сравнительно недавно реформирована система исполнительной власти и наряду с Уставом Новгородской области [9], были приняты Закон Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ [1] и Закон Новгородской области «О системе органов исполнительной власти Новгородской области» от 1 апреля 2013 года № 241-ОЗ [2]. Таким образом, к компетенции законодателя субъекта федерации отнесено утверждение схемы управления субъектом федерации, определение структуры высшего исполнительного органа государственной власти субъекта федерации. Данное положение было уточнено Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (предста-

вительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10], которым к полномочиям законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации было отнесено определение структуры органов исполнительной власти, при том, что к полномочиям высшего должностного лица субъекта Российской Федерации относилось определение их перечня. Поправки, внесенные Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10] устранили противоречие, закрепив за законодательным органом полномочие по установлению системы, а за высшим должностным лицом — структуры исполнительных органов субъекта федерации. В настоящее время субъекты федерации относительно самостоятельны в определении системы и структуры органов исполнительной власти региона. Рассмотрим процесс реформирования системы и функций органов исполнительной власти на примере Новгородской области, в котором роль законодателя была сведена до минимума. Система и структура была определена в Уставе Новгородской области [9], в том числе Правительство области возглавил Губернатор, получивший полномочия по определению структуры исполнительных органов государственной власти области, основных направлений деятельности Правительства, организации его работы. Устав Новгородской области допускал наличие «первых заместителей губернатора» [9], что способствовало дублированию полномочий и бесконтрольности, и как следствие, привлечению одного из первых заместителей губернатора к уголовной ответственности за коррупционное преступление. Вместе с тем, субъектам федерации не навязывается императивная модель системы и структуры органов исполнительной власти субъекта, что, по мнению автора, возможно, исходя из расчета численности населения и потенциала субъекта федерации, а также ее организационно-правовой формы. Однако, отсутствие нормативного регулирования численности заместителей губернатора и отсутствие процедуры обсуждения кандидатур при назначении, позволят Губернатору субъекта федерации самостоятельно осуществлять подбор кадров заместителей губернатора, принимать решения об учреждении новых органов исполнительной власти и государственных учреждений области. Практика показывает, что заместитель губернатора Новгородской области, назначенный в начале 2014 года, и подозреваемый

в коррупционном преступлении, может быть уволен по сокращению штатов [3].

Экспертиза на коррупциогенность Законов Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ и «О системе органов исполнительной власти Новгородской области» от 1 апреля 2013 года № 241-ОЗ, проведенная автором, установила наличие коррупционных норм. В частности в Законе Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ выявлены следующие нормы, имеющие коррупционную составляющую:

В статье 3 пункт 5 Закона Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ указано: «разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица» [1]. Принцип разделения властей с соответствующим толкованием о сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий в ведении одного органа либо должностного лица, приводит к установлению коррупциогенного фактора о выборочном изменении объема прав — возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц) (подпункт «в» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]).

«Сбалансированность полномочий» и «исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица» — данная норма в контексте закона, имеет юридико-лингвистическую неопределенность. В условиях отсутствия четких критериев понятия «Сбалансированности полномочий» и «исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица», усматривается возможность чрезмерной свободы подзаконного нормотворчества и является коррупционной. При таких обстоятельствах усматривается наличие такого коррупциогенного признака как юридико-лингвистическая неопределенность — употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подпункт «в»

пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]).

В законе Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ [1] указывается норма, имеющая коррупционный характер, а именно «Оформляется правовым актом», которая в контексте закона, имеет юридико-лингвистическую неопределенность. В условиях отсутствия четких критериев понятий «оформляется» и «правовым актом» усматривается возможность чрезмерной свободы подзаконного нормотворчества. Правовой акт может быть нормативным, либо ненормативным, актом органа законодательной либо исполнительной власти, а следовательно, имеющего коррупционную составляющую.

При таких обстоятельствах устанавливается наличие такого коррупционного признака как юридико-лингвистическая неопределенность, употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подпункт «в» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]). Норма «оформляется правовым актом» представляет чрезмерную свободу подзаконного нормотворчества — наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящих к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный правовой акт (подпункт «г» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]).

В ряде норм законов Новгородской области употребляется оборот «иные органы». Например, в статье 9 пункте 1 подпункте 4 Закона Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ указано: иные органы исполнительной власти Новгородской области [1]. Данная норма в контексте закона, содержащего перечисление органов исполнительной власти, имеет юридико-лингвистическую неопределенность. В условиях отсутствия четких критериев понятия «иные» усматривается возможность чрезмерной свободы подзаконного нормотворчества и является коррупционной. При таких обстоятельствах усматривается наличие такого коррупционного признака как юридико-лингвистическая неопределенность — употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подпункт «в» пункта 4

Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]).

На практике, в системе органов исполнительной власти Новгородской области в 2014 году было образован комитет инновационных и информационных технологий Новгородской области (Постановление Правительства Новгородской области от 20.03.2014 № 180 [6]) и Государственное областное автономное учреждение «Агентство развития Новгородской области» (распоряжение Правительства Новгородской области от 16 октября 2013 года № 164-рг [8]), получивших бюджетные ассигнования. Автор отмечает, что в условиях рыночных отношений, бесконтрольное создание государственных «иных» учреждений, способно привести к коррупционным отношениям.

В статье 9 пункте 2 Закона Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ отмечено, что «Правительство Новгородской области осуществляет иные полномочия высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, установленные федеральными законами, Уставом Новгородской области, областными законами, а также соглашениями с федеральными органами исполнительной власти, предусмотренными статьей 78 Конституции Российской Федерации [4]. Данная норма в контексте закона представляется коррупциогенной, т.к. предполагает заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательного делегирования соответствующих полномочий — установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона (подпункт «е» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]). Понятие «иные» при таких обстоятельствах усматривается наличие такого коррупциогенного признака как юридико-лингвистическая неопределенность, употребление двусмысленных терминов и категорий оценочного характера. Таким образом, употребление понятия «иные» позволяет органам исполнительной власти, легально, превышать любые полномочия, создавать новые структурные подразделения, государственные учреждения и организации.

В статье 10 пункте 2 подпункте 6 Закона Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ [1] указано, что Губернатор «осуществляет иные полномочия, установленные законодательством Российской Федерации, Уставом Новгородской области, областными законами, Регламентом

Правительства Новгородской области, нормативными правовыми актами Правительства Новгородской области. Понятие «киные» при таких обстоятельствах также предполагает наличие такого коррупционного признака как юридико-лингвистическая неопределенность, употребление двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подпункт «а» пункта 3 и подпункт «в» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]).

Автор отмечает, что полномочия Губернатора области практически не ограничены ни Уставом области, ни другими нормами и органами власти. В статье 14 пункты 3 Закона Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ [1] подчеркивается, что «Структурные подразделения могут образовываться в форме комитетов, управлений, отделов. Структура органов исполнительной власти Новгородской области определяется Губернатором Новгородской области в соответствии с Уставом Новгородской области. Органы исполнительной власти Новгородской области формируются Правительством Новгородской области, что и подтверждает наличие дублирующих полномочий Правительства Новгородской области и Губернатора Новгородской области; а также юридико-лингвистическая неопределенность понятий «структурные подразделения могут образовываться». При таких обстоятельствах усматривается наличие такого коррупционного признака как широта дискреционных полномочий, отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц), а также юридико-лингвистическая неопределенность употребления неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подпункт «а» пункта 3 и подпункт «в» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7]).

Например, статья 14 (пункт 4) Закона Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ определяет, что финансирование расходов на содержание структурных подразделений осуществляется в пределах средств, предусмотренных областным законом об областном бюджете на очередной финансовый год и плановый период на содержание Правительства Новгородской области. Структура органов исполнительной власти Новгородской области определяется Губернатором

Новгородской области в соответствии с Уставом Новгородской области. Органы исполнительной власти Новгородской области формируются Правительством Новгородской области, что кроме наличия дублирующих полномочий Правительства Новгородской области и Губернатора Новгородской области, а также в статье 15 закона определяет принципы и порядок финансирования Правительства Новгородской области, что может привести к двойственности норм финансирования, а также юридико-лингвистическая неопределенность понятий «структурные подразделения» и «на содержание» [1].

Таким образом, в Законе Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ автором выявлены следующие коррупциогенные факторы:

- широта дискреционных полномочий — отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц);
- выборочное изменение объема прав — возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц);
- чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества — наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящих к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;
- принятие нормативного правового акта за пределами компетенции — нарушение компетенции органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов;
- заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательного делегирования соответствующих полномочий — установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона;
- отсутствие или неполнота административных процедур — отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;
- наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, — установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям;

- юридико-лингвистическая неопределенность — употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера. Таким образом, при проведении экспертизы на коррупциогенность усматривается наличие признаков коррупционных факторов, предусмотренных подпунктами «а», «в», «г», «д», «е», «ж» пункта 3, подпунктами «а» и «в» пункта 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26.02.10 № 96 [7].

Общеизвестно, как остро в настоящее время стоят проблемы неэффективного управления; коррупции; избыточных и дублирующих функций органов исполнительной власти; неоправданного государственного вмешательства в экономические процессы; наличия чрезмерных бюрократических барьеров; неэффективность системы закупок для государственных и муниципальных нужд; отсутствие действенной системы внутреннего контроля за управленческой деятельностью; недостаточно эффективная организация системы территориальных органов региональных органов исполнительной власти; отсутствие гарантий прозрачности и эффективности взаимодействия органов исполнительной власти со структурами гражданского общества. Органы государственной власти субъектов федерации не заинтересованы в эффективном развитии соответствующей территории, не могут в пределах своей компетенции определять систему и структуру региональных органов исполнительной власти эффективным образом, коррумпированы.

На основании вышеизложенного, автор полагает, что требуются изменения и дополнения федерального законодательства в части установления пределов регулирования системы и структуры органов исполнительной власти субъекта федерации, а также последствий экспертной оценки состояния законодательства, проведения экспертиз на коррупциогенность и состояния законодательства субъекта федерации в части криминологической оценки.

Список литературы:

1. Закон Новгородской области «О Правительстве Новгородской области» от 11 февраля 2013 года № 210-ОЗ /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.09.2015).
2. Закон Новгородской области «О системе органов исполнительной власти Новгородской области» от 1 апреля 2013 года № 241-ОЗ/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.09.2015).

3. Заместитель губернатора Новгородской области Виктор Нечаев будет уволен по сокращению штатов. Газета «Коммерсант», 23 сентября 2015 г. /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://vnnews.ru/politic/45282>(Дата обращения 23.09.2015).
4. Конституция Российской Федерации /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.09.2015).
5. Макосейчук Т.М. Роль Закона об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации в создании системы органов исполнительной власти // Правоведение. 2001. № 6. С. 31.
6. Постановление Правительства Новгородской области от 20.03.2014 № 180 «О комитете инновационных и информационных технологий Новгородской области» (в ред.Постановления Правительства Новгородской области от 22.01.2015 № 16) /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.09.2015).
7. Постановление Правительства РФ от 26.02.10 № 96 «Об утверждении Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов » /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.09.2015).
8. Распоряжение Правительства Новгородской области от 16 октября 2013 года № 164-рг о Государственном областном автономном учреждении «Агентство развития Новгородской области» /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.09.2015).
9. Устав Новгородской области /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 23.09.2015).
10. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»// СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2709; 2004. № 50. Ст. 4950; 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 25.
11. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» № 184-ФЗ// СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2000. № 31. Ст. 3205; 2001. № 7. Ст. 608; 2002. № 19. Ст. 1792, № 30. Ст. 3024, № 50. Ст. 4930; 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2709; 2004. № 25. Ст. 2484, № 50. Ст. 4950; 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 17, ст. 25.

СЕКЦИЯ 2.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О МЕДИАЦИИ

Федулова Саргылана Николаевна

канд. юрид. наук, доцент,

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса,*

РФ, г. Якутск

E-mail: snfedulova@mail.ru

DEBATING POINTS OF CONCEPTUAL FRAMEWORK ABOUT MEDIATION IN LEGISLATION

Sargilana Fedulova

*candidate of Legal Sciences, North-Eastern Federal University
in Yakutsk named after M.K. Ammosov, Head of Civil Law and the Process,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются легальные определения понятия медиации, медиатора, медиативного соглашения. Кратко рассматривается природа указанных понятий путем сравнения с похожими юридическими явлениями. Автором сделан вывод о наличии отличий медиации от посредничества, медиативного соглашения от мирового соглашения и сделки, о требованиях к медиатору, которые можно закрепить законодательно.

ABSTRACT

The article deals with legal definition of the mediation, the mediator and the mediation agreement. Nature of these concepts is briefly considered by comparing with similar legal phenomena. The author concludes that there are differences between mediation and intermediation, a mediation

agreement and the settlement agreement, transaction, requirements for mediators that can be fixed by the law.

Ключевые слова: медиация; медиатор; медиативное соглашение; мировое соглашение.

Keywords: mediation; mediator; mediation agreement; settlement agreement.

Федеральный закон об альтернативной процедуре урегулирования споров от 27.07.2010 № 193-ФЗ (далее — закон о медиации) [1] ввел в отечественный юридический оборот и закрепил легальные определения новых для России понятий.

Именно в силу новизны понятий законодателю потребовалось объяснить и сформулировать термины, не употребляемые широко и, более того, не известные обществу. Вероятно, законодатель и не ставил перед собой цель исчерпывающим образом определить понятие и признаки медиации. Главной целью законодателя являлись презентация и продвижение альтернативной государственному правосудию процедуры урегулирования споров.

Принимая во внимание, что и за рубежом существуют многообразные версии, технологии, системы медиации, разное правовое регулирование процедур медиации, и наращивание опыта медиативных процедур, наполнение новой ниши деятельности в России, закономерно, что понятийный аппарат в сфере медиации требует уточнения, дополнений и редактирования.

Рассмотрим три ключевых понятия, которые используются в законе о медиации: медиация, медиатор, медиативное соглашение.

Медиация в законе определяется довольно широко, как один из способов урегулирования частно-правовых споров. Можно заметить, что это даже не определение, а одна из характеристик, один из аспектов понимания медиации. Между тем медиация представляет собой не только процедуру, но и метод (подход), а также систему философии. В законе медиация представлена как способ, форма защиты частных прав. С этой юридической точки зрения законодатель пытается регламентировать медиацию как определенную процедуру. Он устанавливает принципы медиации, указывает на документы, сопровождающие процедуру медиации, определяет статус субъектов медиации. Из содержания закона можно сделать выводы об отличиях процедуры медиации от формальных процедур. Однако в описании процедуры медиации законодатель сталкивается с некоторыми затруднениями. Процедура, прежде всего, подразумевает определенный

порядок совершения действий, а законодатель делать этого не может и не должен. Поэтому законодатель заложил некоторую неопределенность в понимание медиации и процедуры медиации. Можно констатировать, что понятие медиации в указанном законе сформулировано широко — нет точной дефиниции. Такая ситуация имеет и положительные и отрицательные стороны. Хорошо это потому, что позволяет развиваться медиации, не загоняет медиацию в прокрустово ложе, ведь жесткие формулировки могут увести из-под воздействия правовых норм некоторые ситуации. Отрицательный эффект фактического отсутствия определения понятия медиации связан с тем, что дается широкий простор фантазии для восприятия термина. Есть опасность, что под видом медиации могут предлагать нечто, совершенно не отвечающее сути и духу медиации. Известны случаи, когда желающим предлагали буквально за один-два дня обучиться медиации за сходную цену. Это безусловно вредно и для самой медиации, и для общества, которому будет представлен неверный образ медиации.

В законе о медиации не указывается, каким все-таки способом разрешения споров является медиация. В ст. 2 рассматриваемого закона указаны лишь некоторые признаки медиативной процедуры: наличие определенных субъектов — сторон и медиатора, цель процедуры — достижение сторонами взаимоприемлемого решения, и основа процедуры — добровольное согласие сторон [1].

Возможно, законодателю стоило упомянуть, что медиация представляет собой переговоры сторон, организуемые медиатором и направленные на прояснение интересов каждой из них в целях достижения консенсуса. Важно, что речь идет не об интересах, охраняемых законом, а и об интересах, не охраняемых законом, не поддающихся регулированию. Медиация — это не правоприменительная деятельность, и стороны могут обсуждать не только правовые, но и другие отношения.

Хотя в законе о медиации определяется сфера его применения — споры, возникающие из гражданских, семейных и трудовых правоотношений, не исключается, что медиация может быть применена и в других правоотношениях при условии, если это установлено федеральным законом. Такая оговорка дает возможность применять медиацию в уголовных делах. В настоящее время уже имеются документы о восстановительном правосудии.

Что касается понятия медиатора, то законодательно медиатор — это посредник. Однако понятия «посредничество» и «посредник» также являются широкими понятиями и употребляются в самых

разных сферах: торговле, сбыте, снабжении. В литературе рассматривается вопрос о соотношении понятий «медиация» и «посредничество», и делается вывод, что медиация — понятие более узкое, чем посредничество, и представляет собой один из видов посредничества. Поэтому было бы желательно, чтобы в законе о медиации более четко определили, кто такой медиатор и каковы его функции. Например, в ст. 15 закона о медиации, посвященной требованиям к медиаторам, указывается, что медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне консультационные услуги, в том числе, юридические [1]. В определении и статусе медиатора эта характеристика обязательно должна присутствовать. Вероятно, в законе о медиации также возможно указать, вправе ли медиатор подсказывать и предлагать варианты решения проблемы, подвигать к какой-то идее, советовать, намекать, уговаривать и т. п. Обязательно должно быть установлено, что медиатор — не то лицо, которое разрешает спор.

Относительно фигуры медиатора, вернее требований к медиатору, выдвигаются разные предложения, прежде всего, об образовании. Представляется, что существующее регулирование, во всяком случае в настоящее время, является вполне адекватным.

Впервые в законе о медиации закреплено понятие медиативного соглашения. Следует отметить, в законе имеются некоторые противоречия и смешение понятия медиативного соглашения с другими понятиями или, точнее, отсутствие отличительных признаков от понятий сделки и мирового соглашения.

В ч. 4 ст. 12 закона о медиации медиативное соглашение называется сделкой, если спор не передан в суд [1]. Получается, что если спор передавался в суд, но было все же выработано медиативное соглашение — это уже не сделка. Можно сделать вывод, что медиативное соглашение иногда сделка, иногда нет. Однако в соответствии с правилами юридической техники определение понятия должно быть единым и не зависеть от каких-либо условий. Видимо, в данном случае дается не определение, а характеризуются правовые последствия. Иначе возникла бы дилемма: ведь правовые последствия вызывает и судебное решение, и сделка, и возник бы вопрос, чему отдать приоритет.

Из ч. 3 ст. 12 закона о медиации следует, что медиативное соглашение может быть утверждено в качестве мирового соглашения [1]. Это означает, что существует и другая возможность — медиативное соглашение не обязательно выступает как мировое соглашение. Законодатель считает, что медиативное соглашение иногда является мировым соглашением, иногда — нет.

Еще больше затруднений возникает, если вспомнить, что и относительно мирового соглашения в России имеется очень незначительное правовое регулирование и невысокий уровень изученности в науке.

Между тем, медиативное соглашение отличается и от мирового соглашения, и от гражданско-правовой сделки. Вероятно, не настало время окончательно законодательно сформулировать понятие медиативного соглашения.

Все изложенное приводит к выводу, что у медиаторов и исследователей имеется много возможностей для критики законодательных формулировок и предложения вариантов уточнения и улучшения законодательства, и, прежде всего, первого закона о медиации, закрепившего необходимую для этой процедуры терминологию.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31.

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

МЕСТО КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рябченко Алина Николаевна

*аспирант Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: alina-r-@mail.ru*

PLACE OF TRADE SECRET IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Alina Ryabchenko

*graduate student of The National Centre of Legislation and Legal Research
of the Republic of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены подходы ученых к определению места коммерческой тайны среди объектов гражданских прав. Автор проанализировал причины, ввиду которых информацию, составляющую коммерческую тайну, не следует относить к объектам интеллектуальной собственности.

ABSTRACT

The article describes the scientists approach to the definition of place of trade secrets among objects of civil rights. The author also analyzes the reasons, due to which the information constituting a trade secret, you should not refer to objects of intellectual property.

Ключевые слова: коммерческая тайна; конфиденциальная информация; охраняемая информация; объекты гражданских прав.

Keywords: trade secret; confidential information; proprietary information; objects of civil rights.

При исследовании природы коммерческой тайны необходимо уяснить, каково ее место среди объектов гражданских прав. По данному поводу существует два противоположных подхода. Сторонники первого — включают коммерческую тайну в состав интеллектуальной собственности, а второго — считают коммерческую тайну самостоятельным объектом гражданских прав.

Отнесение коммерческой тайны к интеллектуальной собственности обусловлено тем, что исторически зарождение института коммерческой тайны происходило в рамках такого объекта гражданских прав как интеллектуальная собственность, и правовое регулирование строилось по модели максимально приближенной к уже известной [4, с. 99].

Сторонники первого подхода, в частности, А.П. Сергеев, В.А. Дозорцев, полагают, что коммерческую тайну следует считать объектом интеллектуальной собственности, поскольку она обладает всеми его свойствами и является его разновидностью. А.П. Сергеев, отмечает, что коммерческая тайна является институтом интеллектуальной собственности [7, с. 44], коммерческая тайна обладает всеми свойствами объекта интеллектуальной собственности [10]. Аналогичной точки зрения придерживается и А.А. Фатьянов [12, с. 165]. В.А. Дозорцев указывает, что за обособленной информацией, под которой понимаются особые сведения, имеющие коммерческую ценность и являющиеся необщедоступными, необходимо закрепление абсолютного права. Поскольку сведения представляют собой нематериальное знание, на них закрепляются права, относимые к числу исключительных. Но это не традиционные исключительные права, а достаточно своеобразные [3, с. 225].

В. Смирнов утверждает, что коммерческая тайна не является самостоятельным объектом гражданских прав, ее можно отнести к результату интеллектуальной деятельности. Он подтверждает сходство данных понятий, сопоставляя по следующим признакам: оба эти объекта нематериальны, они возникают в результате интеллектуальной деятельности, хотя творческий уровень этих объектов может быть несопоставим, к данным объектам применимы критерии оборотоспособности и охраноспособности [11, с. 34—35].

Е.В. Шишмарева придерживается широкого подхода к пониманию интеллектуальной деятельности, т. е. когда право интеллектуальной собственности регулирует широкий круг имущественных (исключительных) и связанных с ними личных неимущественных отношений, возникающих по поводу результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ и услуг. В связи с этим указывается на признание коммерческой тайны результатом интеллектуальной деятельности [13, с. 38].

Р.В. Северин считает, что коммерческая тайна, объединяющая в себе секрет производства (ноу-хау) и коммерческую информацию, относится к «нетрадиционным» объектам интеллектуальной собственности. Р.В. Северин в подтверждение данного вывода указывает, что коммерческая тайна является результатом интеллектуальной деятельности, что есть признак интеллектуальной собственности [9, с. 15—16].

Сторонники противоположного подхода, в частности российский правовед О.А. Городов, полагают, что правовой режим сведений, находящихся в тайне, коренным образом отличается от правового режима, установленного в отношении охраняемых результатов интеллектуальной деятельности [1, с. 87]. Это отличие проявляется в следующем:

1. в противоположной направленности интересов владельца конфиденциальных сведений и интересов обладателя информации, представляющей собой результат интеллектуальной деятельности, т. к. лица первой указанной категории заинтересованы в принятии мер, препятствующих распространению соответствующих сведений, а второй, наоборот, — заинтересованы в распространении интеллектуального продукта [1, с. 87].

2. В различных юридических механизмах охраны прав и интересов обладателя результата интеллектуальной деятельности и обладателя коммерческой тайны. Обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, ограничивает ее распространение техническими и иными средствами. Здесь имеет место альтернативный исключительному праву вариант механизма охраны информации — фактическая монополия. Преднамеренно скрываемые сведения невозможно заключить в рамки исключительных прав, ведь фактор их неизвестности не позволяет установить самого содержания информации в качестве объекта охраны. В данном случае нельзя, как это происходит в отношении результатов интеллектуальной деятельности, определить те действия, которые может осуществлять обладатель информации сам и разрешать осуществлять [1, с. 87].

А.В. Коломиец также полагает, что коммерческая тайна является самостоятельным объектом гражданских прав и не относится к разновидности интеллектуальной деятельности [5, с. 11].

Белорусский ученый С.С. Лосев также указывает, что нераскрытая информация (в частности коммерческая тайна) не относится к объектам интеллектуальной собственности. Мнение об отнесении коммерческой тайны к объектам исключительного права, по мнению С.С. Лосева, противоречиво, поскольку предоставляемая владельцу исключительного права монополия предполагает определить позитивную составляющую права на информацию, а это сделать невозможно [6].

Полагаем, информацию, составляющую коммерческую тайну, не следует относить к объектам интеллектуальной собственности ввиду следующего:

1. Несмотря на то, что как коммерческая тайна, так и объекты интеллектуальной собственности возникают в результате интеллектуальной деятельности, зачастую это разного рода деятельность, т. е. интеллектуальный вклад в создание объекта интеллектуальной собственности гораздо серьезнее и несопоставим с деятельностью по возникновению коммерческой тайны;

2. Различия коммерческой тайны и объектов интеллектуальной собственности состоит в механизме и целях их охраны. Информация, составляющая коммерческую тайну, имеет ценность для ее владельца только в случае, когда неизвестна третьим лицам и, соответственно, скрывается от них, в то время как объекты интеллектуальной собственности открыты для третьих лиц и зачастую ценны в связи с их широким распространением (например, как товарный знак, знак обслуживания). Кроме того, в случае распространения информации, составляющей коммерческую тайну, ограничить использование такой информации владелец не может, поскольку она больше не является коммерческой тайной в виду ее известности третьим лицам. Кроме того, одна и та же информация может составлять коммерческую тайну двух и более лиц в случае независимого получения такой информации этими субъектами, т. е. в отношении коммерческой тайны не может идти речь об абсолютном праве ее владельца. Кроме того, учитывая свойство информации, в случае ее распространения лица, которым она стала известна, становятся ее носителями, т. е. «забрать», «извлечь» из оборота ее владелец просто не может.

3. Информация, составляющая коммерческую тайну, всегда нематериальна, чего нельзя сказать об объектах интеллектуальной собственности (например, изобретение, выраженное в материальном продукте).

Таким образом, коммерческая тайна и объекты интеллектуальной собственности различны по способу создания, охраны, по своему существу.

В законодательстве Республике Беларусь в настоящее время отражен подход о том, что коммерческая тайна не относится к интеллектуальной собственности. Однако ранее гражданское законодательство Республики Беларусь определяло коммерческую тайну в качестве формы охраны нераскрытой информации, которая в свою очередь являлась объектом права интеллектуальной собственности. Это следовало из ст. 140, 980 и 1010 Гражданского кодекса Республики Беларусь в редакции от 28.08.2012 [2]. В 2013 году система гражданских прав была пересмотрена в связи с принятием Закон Республики Беларусь от 05.01.2013 № 16-3 «О коммерческой тайне» [8]. Нераскрытая информация, определена как самостоятельный объект гражданских прав, а удовлетворение интересов владельца нераскрытой информации происходит за счет обеспечения введения режима коммерческой тайны. Таким образом, владелец сведений, отнесенных к коммерческой тайне, не наделяется монопольным правом в отношении таких сведений, в их отношении действует лишь фактическая монополия ее владельца, которая выражается в возможности устанавливать режим доступа к сведениям, неизвестным другим лицам, и принимать меры к недопущению их разглашения.

Полагаю, закрепленный в настоящее время законодательстве Беларуси подход отражает сущность коммерческой тайны и позволяет эффективно охранять информацию, составляющую коммерческую тайну.

Список литературы:

1. Городов О.А. Основы информационного права России: учебное пособие. — СПб, 2003.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 6 сент. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Москва: Статут, 2005. — С. 413.
4. Дозорцев В.А. Понятие секрета промысла (ноу-хау) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, — 2001. — № 7. — С. 99—113.
5. Коломиец А.В. Коммерческая тайна в гражданском праве Российской Федерации/ Рос. академия государственной службы при президенте РФ. М: издательство РАГС, 2000. — С. 95.

6. Лосев С.С. Охрана коммерческой тайны: проблемы и перспективы совершенствования законодательства // Промышленно-торговое право. 2012, № 2.
7. Мэгтс П.Б., Сергеев А.П. Интеллектуальная собственность. — М., 2000. — С. 200.
8. О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 5 января 2013 г., № 16-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
9. Северин Р.В. Механизм защиты прав на коммерческую тайну: автореф. на соиск. канд. юрид.наук. — М., 2011. — С. 293.
10. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Москва: Проспект, 1996. — С. 620.
11. Смирнов В. Ноу-хау в российском законодательстве // Интеллектуальная собственность. — 2000. — № 1. — С. 34—37.
12. Фатьянов А.А. Тайна и право. — М.: МИФИ, 1998. — С. 284.
13. Шишмарева Е.В. Коммерческая тайна в Российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид.наук. — М., 2004. — С. 340.

ФАКТЫ-СОСТОЯНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Юрченко Оксана Юрьевна

*канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и уголовного права Алексеевского филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
РФ, Белгородская область, г. Алексеевка
E-mail: kseniy.ku@mail.ru*

FACTS-STATES IN THE CIVIL LAW

Oksana Yurchenko

*candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of Civil Law and Criminal Justice Chair,
Alekseyevka Branch of Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod Region, Alekseyevka*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются факты-состояния в гражданском праве. Автор последовательно выявляет признаки, присущие фактам-состояниям, и приводит свое мнение относительно правовой природы правовых состояний.

ABSTRACT

The article deals with facts-states in the civil law. The author gradually reveals characteristics appropriate to facts-states and expresses her opinion concerning legal nature of legal states.

Ключевые слова: юридические факты; факты-состояния; юридическая конструкция; гражданское правоотношение.

Keywords: legal facts; facts-states; legal construction; civil matters.

Основаниями возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений выступают юридические факты, то есть реальные жизненные обстоятельства, с которыми закон связывает определенные правовые последствия, в частности, в виде движения гражданского правоотношения.

Существуют различные критерии классификации юридических фактов. Наиболее распространенной, пожалуй, является классификация в зависимости от воли субъекта, в соответствии с которой выделяют юридические факты-действия (происходят по воле участников правоотношений) и юридические факты-события (происходят независимо от воли субъектов).

С.С. Алексеевым была предложена классификация по критерию характера действия физического лица. Исходя из этого, все юридические факты могут быть подразделены на факты ограниченного (однократного) действия и факты-состояния [1, с. 152—182]. Подобная мысль была поддержана и другими исследователями в области права. М.А. Рожкова отмечает, что, несмотря на то, что подобная классификация не столь распространена, она, безусловно, заслуживает внимания [6, с. 30].

В.Б. Исаков, не исключая возможность фактов-состояний выполнять функции юридических фактов, рассматривает их как специфическую категорию юридических фактов [3, с. 32].

О.А. Красавчиков, напротив, не представлял возможным рассматривать факты-состояния наряду с событиями и действиями в качестве разновидностей юридических фактов [4, с. 85—86].

Неоднозначный подход к восприятию правовой природы фактов-состояний породил научную дискуссию относительно места фактов-

состояний в системе юридических фактов, в виду чего обозначенная проблема представляется интересной и актуальной для науки гражданского права.

Факты-состояния подразумевают какой-либо длящийся процесс в отличие от фактов, характеризующихся своей кратностью. Речь идет, например, о состоянии в браке, родстве, нахождении на иждивении и других состояниях.

Факты-состояния возникают, как правило, вследствие волевых действий субъектов права, например, пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами в сочетании с другими юридическими фактами может послужить основанием для ограничения в дееспособности гражданина. Иногда и события могут влечь возникновение состояний. Так, в результате рождения ребенка возникает состояние родства между ребенком и его родителями, другими родственниками.

Безусловно, факты - состояния имеют правовое значение, вследствие чего справедливо называть их юридическими (правовыми) состояниями. Представляя собой юридические средства регулирования движения правоотношения, они не могут быть безразличны праву. Вопрос заключается в том, способны ли они самостоятельно вызывать правовые последствия или только в сочетании с другими юридическими фактами.

Приведем пример из судебной практики. Суд при рассмотрении дела по иску гражданки П. об установлении факта нахождения на иждивении, факта совместного проживания, признании права на наследственное имущество, установлении факта принятия наследства, признании права собственности, установил, что гражданка П. состояла в фактических брачных правоотношениях с Б., который впоследствии скончался. После его смерти осталась квартира, в которой они проживали и в которой П. продолжает проживать в настоящее время, автомобиль и другое имущество, принадлежащее на праве собственности Б. Целью обращения в суд гражданки П. стало доказывание факта нахождения на иждивении Б., что в совокупности с другими фактами (в том числе состояниями: нетрудоспособность, совместное проживание) предоставляет ей право быть в соответствии со ст. 1148 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2] наследницей умершего Б. В обоснование требований П. указывала, что является нетрудоспособной и имеет группу инвалидности по общему заболеванию. В суде истице удалось представить достаточно доказательств, чтобы подтвердить, что содержание, получаемое от Б., являлось для нее основным и постоянным

источников дохода. Установление в суде факта нахождения на иждивении в сочетании с доказанным фактом нетрудоспособности и совместного проживания позволили суду принять решение об удовлетворении требований истицы о признании за ней права на получение наследственного имущества гражданина Б. [5].

Указанное позволяет прийти к выводу о том, что доказанное состояние нахождения на иждивении автоматически не влечет каких-либо правовых последствий. Правовые последствия наступают только в сочетании с юридическими фактами. Вследствие этого можно утверждать, что гражданское правоотношение по наследованию было приведено в движение посредством некоего комплексного образования (юридической конструкции), состоящего из юридических состояний и юридического факта. Подобное комплексное образование способно придать правовую окраску существовавшим в реальности состояниям. Обозначенную юридическую конструкцию можно иллюстративно представить следующим образом:

Таблица 1.

Право на наследственное имущество	
Юридические состояния	Юридический факт
Нетрудоспособность	Решение суда
Совместное проживание	
Нахождение на иждивении	

Таким образом, юридические состояния выступают как элементы правовой конструкции, не имеющие самостоятельного правового значения, но способные привести в движение гражданское правоотношение посредством сочетания с юридическим фактом (фактами). В данном случае юридические состояния являются правовыми средствами достижения конечной цели, которые должны быть приведены в действие только посредством юридического факта.

Следовательно, более корректно, употребление не термина «факты-состояния», а именно юридические (правовые) состояния. Данная форма употребления рассматриваемого понятия встречается в научных трудах В.Б. Исакова [3].

Существенное значение имеет ограничение юридических состояний от правоотношений, поскольку и факты-состояния и правоотношения несут длящийся характер. Правоотношения иллюстрируют взаимосвязь между субъектами права, представляя собой по содержанию совокупность прав и обязанностей, которыми они наделяются. В свою очередь правоотношения могут участвовать в регулировании других правоотношений, выступая в качестве движущей силы.

Например, для осуществления поставки товаров для государственных или муниципальных нужд необходим государственный или муниципальный контракт на поставку товаров и заключаемый в соответствии с ним договор поставки (ст. 525 ГК РФ). Таким образом, наличие договорных правоотношений выступает одним из оснований поставки, то есть является фактом-правоотношением.

Между тем, было бы неверно отождествлять факты-состояния и факты-правоотношения, поскольку эти юридические понятия имеют различное смысловое значение. Автором было определено, что состояния, не имея самостоятельного значения, могут влечь правовые последствия только в составе юридической конструкции. Правоотношения, напротив, способны выступать в качестве самостоятельной движущей силы и влиять на регулирование иных гражданских правоотношений. Состояния характеризуются своей статичностью и, как правило, длительностью существования. Правоотношения — динамичностью и не всегда длительностью существования.

Таким образом, следует отметить, что факты-состояния как правовые состояния в гражданском праве имеют безусловное право на существование. В сочетании с другими юридическими фактами они образуют правовую конструкцию, которая приводит в движение гражданские правоотношения.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. — М.: Свердловск, 1964. — 360 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 13 июля 2015 г. № 268-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (часть 1). Ст. 4394.
3. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература, 1984. — 144 с.
4. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М.: Госюриздат, 1958. — 182 с.
5. Решение Ворошиловского районного суда г. Ростов-на-Дону от 14 апреля 2015 г. по делу № ***/2015 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PueSZCBPKIrg/> (дата обращения: 5 сентября 2015 г.).
6. Рожкова М.А. Юридические факты в гражданском праве // Хозяйство и право. Приложение. — 2006. — № 7. — 80 с.

СЕКЦИЯ 4.

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПОВ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В СТРАНАХ СНГ

Ходжаев Азим Аброрович

независимый соискатель

Ташкентского государственного юридического университета,

Республика Узбекистан, г. Ташкент

E-mail: azim9933@mail.ru

QUESTIONS OF LEGAL PROVIDING OF RATIONAL USING OF NATURAL RESOURCES IN CIS COUNTRIES

Azim Xodjayev

independent researcher of Tashkent state law university,

Republic of Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В статье с критически-аналитической точки зрения рассмотрены вопросы укрепления тенденций принципа рационального использования природных ресурсов в экологическом законодательстве Российской Федерации, Молдовы, Казахстана, Азербайджана, Беларуси, Украины и других стран СНГ, а также разработаны предложения и рекомендации по дальнейшему совершенствованию действующих законодательных актов.

ABSTRACT

In the article comparative-legally analyzed trends of legal regulation of principle of rational using of natural resources in the ecological legislation of countries of CIS such as Russian Federation, Moldova, Kazakhstan, Azerbaijan, Belarus, Ukraine and others, also some offers and recommendations on improving legislative acts are developed.

Ключевые слова: правовой принцип; принцип рационального природопользования; природные ресурсы; экологическое законодательство.

Keywords: legal principle; principle of rational using of natural resources; natural resources; ecological legislation.

Изучение тенденций правового обеспечения использования природных ресурсов странах СНГ свидетельствует об активизации законотворческого процесса в данной области. В частности, в Казахстане приняты законы «Об охране окружающей природной среды» (1991, 1997 й.) и «О социальной защите граждан, пострадавших в результате экологической катастрофы в Приаралье» (1992), Земельный кодекс (1990 г.), Кодекс о недрах земли и переработке минерального сырья (1992 г.), Лесной кодекс (1993 г.), Водный кодекс (1993 г.), Закон «Об использовании, восстановлении и защите животного мира» (1993 г.), Закон «Об экологической экспертизе» (1997 г.), «Об особо охраняемых природных территориях» (1997 г.) и наконец, в 2009 году был принят Экологический кодекс. На Украине сформирована система экологического законодательства, состоящая из Закона «Об охране окружающей природной среды» (1991 г.), Земельного кодекса (1990 г.), законов «О природно-заповедном фонде Украины» (1992 г.), «Об оплате за землю» (1992 г.), «О защите атмосферного воздуха» (1992 г.), «О животном мире» (1993 г.); Земельного кодекса (1994 г.), Закона «Об экологической экспертизе» (1995 г.); Водного кодекса (1995 г.). В Республике Беларусь наряду с Законом «О защите окружающей среды» действуют Земельный кодекс, Кодекс о недрах земли, Лесной кодекс и Водный кодекс.

Если останавливаться на законодательстве в сфере рационального использования природных ресурсов в государствах СНГ, в статье 3 Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года из 23 основных принципов охраны окружающей среды в качестве основного условия обеспечения оптимальной окружающей среды и экологической безопасности предусмотрено рациональное использование природных ресурсов, их восстановление и защита. Вместе с тем, в законе предусмотрены дополнительные механизмы, направленные на гарантирование принципа использования природных ресурсов, такие как учет природных и социально-экономических особенностей при планировании хозяйственной и другой деятельности, приоритетность сохранения природных экосистем, природных ландшафтов и природных комплексов; налаживание хозяйственной и другой деятельности, их воздействия

на природную среду с учетом требований по защите окружающей среды; обеспечение сокращения отрицательного воздействия хозяйственной и другой деятельности с учетом экономических и социальных факторов путем применения современных технологий [8].

В Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 года, охватывающей более 100 статей, в отличие от экологического законодательства других стран, употребляется понятие «рациональное (стабильное) использование природных ресурсов». В частности, в статье 1 указано, что рациональное (стабильное) использование природных ресурсов — это использование природных ресурсов способами и темпами, не приводящими к их истощению в далекой перспективе, и тем самым сохранение их способности удовлетворять экономические, эстетические и другие потребности нынешних и будущих поколений [1].

В статье 4 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», как и в законодательстве Российской Федерации, рациональное (стабильное) использование природных ресурсов, их возобновление и охрана оценивается как правовой принцип в качестве условия обеспечения оптимальной окружающей среды и экологической безопасности. Вместе с тем, еще одна особенность данной статьи заключается в том, что в ней экономическое стимулирование рационального (стабильного) использования природных ресурсов признается как самостоятельный принцип. Вместе с тем, в Законе нашли свое отображение дополняющие принципы рационального использования природных ресурсов такие принципы, как запрет хозяйственной и другой деятельности, которые могут привести к деградации природной экологической системы, изменению и (или) уничтожению генетического фонда объектов растительного и животного мира, истощению природных ресурсов или к другим отрицательным последствиям для окружающей среды; не допущение в сфере охраны окружающей среды осуществления функций государственного управления, регулирования и контроля вместе с функциями использования природных ресурсов [1].

В Республике Беларусь создание правовых и экономических механизмов рационального (стабильного) использования природных ресурсов и рациональное (стабильное) использование природных ресурсов определены как основное направление государственной политики в сфере охраны окружающей среды. Еще одна особенность экологического законодательства Республики Беларусь заключается в том, что в нем полномочия Президента указаны в отдельной статье 8¹ Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», одно

из которых заключается в рациональном (стабильном) использовании природных ресурсов и утверждении государственных программ по охране окружающей среды. Организация и обеспечение исполнения этих программ, а также разработка и утверждение территориальных комплексных программ, определение порядка их выполнения относится к полномочиям Совета Министров Республики Беларусь. Организация разработки территориальных комплексных программ в сфере рационального (стабильного) использования природных ресурсов и осуществление научно-методического руководства над ними отнесено к полномочиям Министерства охраны природных ресурсов и окружающей среды Республики Беларусь [1].

Еще один аспект правовой особенности данного министерства заключается в том, что на него возложены задачи по изучению опыта иностранных государств по охране окружающей среды и рациональному (стабильному) использованию природных ресурсов, его обобщению и распространению. Вместе с тем, министерство, в установленном в законодательстве порядке, разрабатывает и представляет проекты государственных программ по рациональному (стабильному) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, концепции, стратегии, схемы и планы в этой сфере; предложения и рекомендации по рациональному (стабильному) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды.

Вместе с тем, утверждение региональных программ и мероприятий по рациональному (стабильному) использованию природных ресурсов и осуществление контроля над рациональным использованием природных ресурсов на своей территории, в соответствии со статьей 11 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» входит в компетенцию местного совета депутатов [1].

Вместе с вышеперечисленным, определены обязательства граждан по рациональному использованию природных ресурсов, охране и бережному отношению к окружающей среде, а также права общественных объединений по разработке, распространению и реализации программ по рациональному (стабильному) использованию природных ресурсов, участию в разработке государственных, отраслевых и местных программ по рациональному (стабильному) использованию природных ресурсов и защиты окружающей среды, оказанию содействия в их реализации; внесению в государственные органы и должностным лицам предложений по рациональному (стабильному) использованию природных ресурсов, а также обращению в соответствующие органы по выявленным случаям не рационального использования природных ресурсов.

В статьях 32—34 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», в качестве основных требований предусмотрено рациональное использование природных ресурсов в сфере охраны окружающей среды при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, пуске, эксплуатации, консервации, демонтаже и перемещении зданий, сооружений, устройств и других объектов [1].

В целом, в Республике Беларусь принцип рационального использования природных ресурсов нашел достаточно полное отображение и характеризуется тем, что этот принцип проник во все сферы использования природных ресурсов и всесторонне упорядочен в законодательстве.

В Законе Украины «Об охране окружающей среды» от 25 июня 1991 года с правовой точки зрения закреплён принцип рационального использования природных ресурсов. В частности, уже во введении определено, что рациональное использование природных ресурсов является неотъемлемой частью стабильного экономического и социального развития Украины и одним из важных направлений государственной политики [2].

На Украине в отличие от Российской Федерации и Республики Беларусь используется понятие рациональное и комплексное использование природных ресурсов. Вместе с тем, в статье 8 Закона Украины «Об охране окружающей среды», в целях разработки научных основ рационального использования природных ресурсов предусмотрено системное проведение на Украине комплексных научных изысканий, что отражает особенности норм экологического законодательства, касающихся рационального использования природных ресурсов [2].

На Украине, в отличие от Республики Беларусь, предусмотрена возможность непосредственного участия граждан в разработке и реализации мер по рациональному и комплексному использованию природных ресурсов. Вместе с тем, на Украине рациональное использование природных ресурсов признается как одно из обязательств граждан.

В статье 40 Закона Украины «Об охране окружающей среды», определяющей положения по соблюдению экологических требований при использовании природных ресурсов, также предусмотрены требования по рациональному и экономному использованию природных ресурсов с использованием современных технологий; а в статье 41 определены экологические меры по рациональному использованию природных ресурсов. В статье 47 вышеуказанного Закона отмечается возможность образования фондов по стимулиро-

ванию и финансированию рационального использования природных ресурсов. При этом уместно отметить, что на Украине функционирует Государственный фонд по охране природы, оказывающий содействие в деле рационального использования природных ресурсов [6, с. 20].

Еще одна особенность законодательных норм Украины по рациональному использованию природных ресурсов заключается в том, что статья 48 Закона Украины «Об охране окружающей среды» непосредственно посвящена методам стимулирования рационального использования природных ресурсов, и в ней предусмотрены не встречающиеся в законодательстве других стран механизмы по предоставлению краткосрочных и долгосрочных ссуд на льготной основе, возможность предоставления природных ресурсов под залог [2].

В Законе Республики Молдова «Об охране окружающей среды» от 16 июня 1993 года определены своеобразные положения рационального использования природных ресурсов. В частности, в соответствии со статьей 5 Закона лица, назначаемые на руководящие должности государственных органов должны обладать знаниями в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Объем их знаний по сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов определяется Департаментом охраны окружающей среды [3].

В Молдове в деле обеспечения рационального использования природных ресурсов местным органам государственной власти предоставлены более широкие полномочия. В частности, эти органы проводят постоянный контроль за рациональным использованием природных ресурсов на своей территории, оказывают содействие обучению населения рациональному использованию природных ресурсов и повышению экологической культуры, обеспечивают рациональное использование природных ресурсов и т. д.

В вышеперечисленных законах прямо указывается, что Департамент по охране окружающей среды Молдовы имеет право возбуждать гражданские иски против юридических и физических лиц, государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, нанеших вред республике путем загрязнения окружающей среды и нерационального использования природных ресурсов.

В Молдове также с целью обеспечения рационального использования природных ресурсов 26 марта 1996 года был принят Закон «О вторичных материальных ресурсах Республики Молдова», состоящий из 12 статей. В нем указано, что государственные органы обязаны участвовать в организации, координации работ по исполь-

зованию вторичных ресурсов, оповещать население об экономических, экологических и социальных результатах использования вторичных ресурсов, внедрять на соответствующих предприятиях, учреждениях и организациях передовой опыт по использованию вторичных ресурсов [4].

Республика Казахстан первой среди стран СНГ избрала путь кодификации законодательства, направленной на упорядочение экологических взаимоотношений. Эти взаимоотношения нашли частичное отображение в принятом 9 января 2007 года Экологическом кодексе страны, состоящим из 326 статей [7, с. 88]. В частности, в статье 96 Кодекса, именуемой меры по охране окружающей среды также предусмотрены меры по совершенствованию технологий и методов, направленных на рациональное использование природных ресурсов [9].

Между тем, в статье 185 Экологического кодекса Республики Казахстан, посвященной экологическим научным исследованиям в качестве цели такой деятельности предусматривается рациональное использование природных ресурсов и их возобновление. В этих целях предусмотрено научное обоснование, разработка и внедрение экологически эффективных ресурсосберегающих технологий. Наряду с этим, в Экологическом кодексе Казахстана вопросы рационального использования природных ресурсов регулируются в рамках каждой главы [9].

В Законе Республики Азербайджан «Об охране окружающей среды» от 8 июня 1999 года рациональное использование природных ресурсов получило свое правовое признание. В частности, в статье 3 Закона, рациональное использование природных ресурсов и возобновление природных ресурсов, экономическое стимулирование рационального использования природных ресурсов определены в качестве основных принципов охраны окружающей среды. В Законе также предусмотрены такие правовые положения, как основы экономического стимулирования рационального использования природных ресурсов, финансирование общественными фондами по охране природы рационального и комплексного использования природных ресурсов [5].

Одна из особенностей экологического законодательства Азербайджана заключается в том, что в нем предусмотрены вопросы регулирования равновесия окружающей среды (6 глава), и как отмечается в статье 31 Законе Республики Азербайджан «Об охране окружающей среды», цель регулирования экологического равновесия

в окружающей среде состоит в обеспечении рационального использования и возобновления природных ресурсов [5].

Подводя итоги, следует отметить, что исходя из положительного опыта зарубежных стран, в Республике Узбекистан было бы целесообразным реализовать следующие меры по совершенствованию механизма правового обеспечения рационального использования природных ресурсов:

Во-первых, целесообразно усилить меры по контролю за совершенствованием норм рационального использования земель и применением агрохимических средств в сельском хозяйстве, и их использованием. В действующем Земельном кодексе данные вопросы закреплены в общем порядке, однако это не обеспечивает необходимые правовые гарантии и механизмы.

Во-вторых, в целях повышения эффективности законодательства и тем самым, для достижения обеспечения рационального использования природных ресурсов в будущем целесообразно кодифицировать экологическое законодательство и определить специальную норму, охватывающую требования по рациональному использованию природных ресурсов.

В-третьих, исходя из современных условий социально-экономического развития, необходимо дополнить статью 4 Закона «Об охране природы» такими принципами, как экономическое стимулирование рационального (стабильного) использования природных ресурсов, не допущение осуществления в сфере охраны окружающей среды функций государственного управления, регулирования и контроля вместе с функциями по использованию природных ресурсов.

В-четвертых, в целях повышения на местах эффективности контроля, осуществляемой инспекциями по охране природы и местных органов государственной власти по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды необходимо совершенствовать правовые механизмы их сотрудничества.

В-пятых, в целях обеспечения эффективности рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды необходимо активизировать участие общественности в этом процессе, постоянно совершенствовать законодательную базу в данном направлении.

В-шестых, совершенствование законодательных основ по активизации и стимулированию деятельности по использованию вторичных ресурсов также имеет важное значение в обеспечении рационального использования природных ресурсов.

Список литературы:

1. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1992, № 1982-ХП.
2. Закон Украины «Об охране окружающей среды». № 1264-ХП от 25.06.1991 // Ведомости Верховной Рады (ВВР), 1991, № 41, ст. 546.
3. Закон Республики Молдова «Об охране окружающей среды» № 1515 от 16.06.93 // Монитор № 10 от 30.10.1993.
4. Закон Республики Молдова «О вторичных материальных ресурсах» № 787-ХП от 26.03.96 // Мониторул Официал ал Р.Молдова № 31/320 от 23.05.1996.
5. Закон Азербайджанской Республики «Об охране окружающей среды» № 678-ІQ от 08.06.1999. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2679 (Дата обращения: 04.09.2015 г.).
6. Обзор деятельности Государственного фонда охраны окружающей природной среды Украины // Организация экономического сотрудничества и развития. — Киев: ОЭСР Publishing, 2006. — С. 20.
7. Сафаров Дж.И. Экология кодекси: айрим хорижий мамлакатлар тажрибаси тахлили // ТДЮИ Ахборотномаси. — Тошкент, — 2010. — № 4. — Б. 88—92.
8. Федеральный Закон Российской Федерации № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/12125350/> (Дата обращения: 04.09.2015 г.).
9. Экологический кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 года № 212-ІІІ ЗРК // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593 (Дата обращения: 04.09.2015 г.).

СЕКЦИЯ 5.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

РАЗВИТИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА 1804 Г.

Ярмонова Елена Николаевна

*канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой,
филиал Федерального государственного образовательного
учреждения «Кубанский государственный университет»,
РФ, г. Армавир
E-mail: vlada02@mail.ru*

DEVELOPMENT OF THE MATRIMONIAL LEGISLATION IN FRANCE AFTER THE ADOPTION OF THE FRENCH CIVIL CODE 1804.

Elena Yarmonona

*head of Department of law disciplines, the branch
of the Federal State Educational Institution "Kuban State University",
Russia, Armavir*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является осмысление изменений произошедших в регулировании брачно-семейных отношений во Франции. В статье проанализированы изменения, которые произошли при заключении и расторжении брака с принятием Гражданского кодекса 1804 года. Методы исследования обусловлены его целью, к их числу можно отнести историко-правовой метод, метод правового моделирования. Сделанные выводы позволяют охарактеризовать изменения французского законодательства как прогрессивные и отметить важность

данного законодательства для развития правового регулирования брачно-семейных отношений в других государствах.

ABSTRACT

The aim of the article is to comprehend the changes occurred in the regulation of marriage and family relations in France. The article shows what changes have occurred in the marriage and divorce with the adoption of the Civil Code of 1804. Methods of research due to its purpose, among them include the historical and legal method, the legal modeling. The findings make it possible to characterize the changes in the French legislation as a progressive and noted the importance of this legislation for the development of the legal regulation of marriage and family relations in other states.

Ключевые слова: брак; семья; развод; дееспособность; законодательство; право; гражданский кодекс.

Keywords: marriage; family; divorce; capacity; legislation; right; civil Code.

Особый интерес для исследователя представляет регулирование брачно-семейных отношений во Франции, так как именно французское законодательство оказывало большое влияние на законодательство, регулирующее брак и семью в разных государствах, в том числе и в России [5, с. 3663]. Сорель давая анализ французского Гражданского кодекса 1804, отмечает: «после эпохи рецепции римского права это единственный известный нам пример столь широкого распространения законов одного народа у других. Мы имеем право чувствовать в сознании этого некоторую гордость и усмотреть в этом признании освящение того интеллектуального верховенства, которым пользовалась Франция в XVII и XIII веках» [2, с. 65].

Французское революционное законодательство уравнивало правовое положение мужчины и женщины. Определение прав и обязанностей сторон в брачных отношениях не зависело от их пола, так же как и для любого гражданского договора. Самый брак, как основание правового положения замужней женщины, представлялся для законодателей французской революции въ видъ договорнаго отношенія, не отличающагося существенно отъ обыкновеннаго договора [1, с. 117]. Данные изменения законодательства коренным образом повлияли не только на формирование правового статуса женщины того периода, но и полностью меняют подход к самому браку. «Нужно возстановить индивидуума въ его правахъ, освободить его отъ деспотической власти отца и короля. Слѣдуетъ построить новое законодательство на новыхъ основаніяхъ. Идея договора есть крае-

угольный камень этого здания. Дъеятели революції уравнили бракъ съ обыкновенными договорами. Право должно благоприятствовать брачньмъ соединеніямъ, какъ договорамъ. Отсюда отсутствіе (въ бракъ) принужденія (и) очень широкая свобода» [7, с. 278]

Заключение брака в соответствии с Гражданским кодексом 1804 г. возможно было только при достижении определенного возраста (возраста совершеннолетия): для мужчин 18 лет, для женщины 15 лет. Для лиц, достигших совершеннолетия но не достижения специально определенного возраста (мужчина, которому не исполнилось 25 лет, женщина, которой не исполнилось 21 года), устанавливалось требование о получении согласия родителей, как отца, так и матери. Если получить согласие обоих родителей не возможно, то достаточно было получить согласие только отца. Предусматривались ситуации, когда брак мог быть заключен и без согласия родителей: со времени достижения совершеннолетия и до достижения сыновьями 30 лет и дочерьми — 25 лет, почтительный акт, предписанный предыдущей статьей и не вызвавший согласия на брак, будет возобновлен еще два раза, каждый раз — через месяц, и через месяц после третьего акта можно приступить к совершению брака и без согласия. Это предоставляло определенную свободу лицам, желающим вступить в брак [4].

Отсутствие согласия обоих супругов на заключение брака могло быть основанием для признания брака ничтожным. В соответствии со ст. 180 Гражданского кодекса брак, который был заключен без свободного согласия обоих супругов или одного из них, может быть оспорен лишь супругами или тем из супругов, согласие которого не являлось свободным. Также брак мог быть оспорен одним из супругов, в случае если будет доказано, что он был введен в заблуждение относительно лица, с которым был заключен брак [4].

Признание брака недействительным было возможно в случаях, когда было не соблюдено условие о получении согласия на брак. Обращаться за признанием брака недействительным в этом случае могло то лицо, чье согласие было необходимо или супруг, на заключение брака которого необходимо было согласие. Признание брака недействительным в этом случае было возможно не всегда: брак, заключенный супругами, которые еще не достигли требуемого возраста, или один из которых не достиг этого возраста, не может быть оспорен: 1) если истекло шесть месяцев со времени достижения супругом или супругами необходимого возраста; 2) если жена, не достигшая этого возраста, забеременела до истечения шести месяцев [4].

Важные изменения произошли в сфере прекращения брачных отношений. Декретом 20 сентября 1792 г. во Франции появилась

возможность развода не только по взаимному соглашению супругов, а так же по желанию одного из супругов в следствие простого несходства характеров [6, с. 80]. Данное решение следует рассматривать как существенный вклад в равноправие обоих супругов и упрочение прав женщин, однако уже в тот период высказывались предложения отказаться от одностороннего развода в силу несходства характера, указывая, что это может еще более ухудшить положение женщины в семье, так как женщины, потеряв в браке большую часть своих прелестей, с трудом находили бы себе мужей [5, с. 87].

В качестве оснований расторжения брака Гражданский кодекс предусматривал следующие: смерть одного из супругов; развод, произведенным в законном порядке; присуждение, на основании приговора, вступившего в законную силу, одного из супругов к наказанию, влекущему за собой гражданскую смерть [4].

Супруги могли требовать развода на основе прелюбодеяния другого супруга, в этом случае происходит уравнивание прав супругов. Однако основания таких требований существенно различались: если муж мог требовать развода по причине прелюбодеяния жены, то жена могла выдвигать требования о разводе только по причине прелюбодеяния мужа, при условии, что муж держал свою сожительницу в общем доме. Супруги могли также требовать развода вследствие злоупотребления (exces), грубого обращения или тяжелых обид одного из них в отношении другого. Право на развод в этом случае предоставлялось обоим супругам, как мужу так и жене [4].

Помимо признания брака недействительным и развода французское законодательство предусматривало возможность раздельного жительства супругов. В случаях, когда имеются основания для просьбы о разводе, супругам предоставляется право обратиться с просьбой об установлении раздельного жительства.

Нормы, регулировавшие брачно-семейные отношения во Франции с начала XIX века, были весьма прогрессивными для своего времени, что имело важное значение для развития семейных отношений во многих странах, в том, числе и в России.

Список литературы:

1. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. — С. 117.
2. Сорель Историко-культурное значение фр. Гр. Кодекса. Спб. 1905.
3. Ярмонова Е.Н. Краткая характеристика отдельных условий заключения брака в истории брачно-семейного права дореволюционной России// Фундаментальные исследования. 2015. — № 2—16. — С. 3663—3666.

4. Французский гражданский кодекс 1804 г. С позднейшими изменениями на 1939 г. / Перевод И.С. Перетерского. М., 1941.
5. Journal des Debats, XII, 241, 338 et 339 (Sagnac, p. 287 n. 2).
6. Martini < Traite philosophique, theologique et politique de la loi du divorce, 1789.
7. Ph. Sagnac, La legislation civile de la revolution francaise (1789—1804) P. 1898 (These) p. 278.

СЕКЦИЯ 6.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Алфимцев Владимир Николаевич

*канд. юрид. наук, заместитель начальника отдела
Правового управления ГУ МВД России по Московской области,*

РФ, г. Москва

E-mail: v.alfim@mail.ru

THE RELIGIOUS ASPECT IN NATIONAL POLITICS

Vladimir Alfimtsev

*candidate of law, Deputy head of section of Legal Department,
Chief Directorate of the Moscow region of Ministry of the Interior
of the Russian Federation
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Исходя из положений концепции строительства нации, рассматривается роль религии в национальной политике, для чего автором анализируются соответствующие конституционные и законодательные нормы, статистика распространения религиозных убеждений, данные, полученные из опросов общественного мнения.

ABSTRACT

Based on the provisions of the concept of nation-building, examines the role of religion in national politics, for which the author analyzes the relevant constitutional and legislative norms, statistics of distribution of religious belief, obtained from public opinion polls.

Ключевые слова: национальная политика; строительство нации; религия.

Keywords: national politics; nation building; religion.

С учетом тенденции, направленной на создание единой гражданской нации в России, отчетливо видимой по выступлениям представителей государственной власти и по отдельным нормам, появляющимся в нормативных актах, в частности в Стратегии государственной национальной политики до 2025 года, актуальным становится рассмотрение религиозного аспекта через призму государственной национальной политики и процесса строительства нации.

Отличие от культуры, образования и языка, которые являются опорными точками нациестроительства, религиозный аспект, более сложен в плане определения его необходимой доли в жизни светского государства. С целью рассмотрения роли религии в государственной национальной политике, необходимо проанализировать соответствующие правовые основы, статистику распространения религиозных конфессий, а также опросы общественного мнения по поводу увеличения или уменьшения роли религии в жизни общества.

Конституция России устанавливает, что Россия является светским государством, религии не могут устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (статья 14) [2]. В тоже время Конституция гарантирует каждому человеку свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ним (статья 28) [2]. Задача государственной национальной политики в этом вопросе заключается в том, чтобы соблюсти обе нормы и в тоже время обеспечить людям культурное единство.

Развивая положения соответствующих конституционных норм, Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает, что в соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство:

- не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания;
- не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

- не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону;
- обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (статья 4) [6].

Кроме того, частью 4 статьи 4 определено, что деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Должностные лица органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления, а также военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии [6].

Итак, имеющиеся конституционные и законодательные нормы, довольно однозначно устанавливают статус России как светского государства. Вместе с тем, практика их применения в последние годы, выражающаяся в различных программах «храмов шаговой доступности», обнаруживает тягу к увеличению роли религии жизни общества. Однако с точки зрения строительства нации в многоконфессиональном государстве это может иметь неблагоприятные последствия, что косвенно подтверждает статистика распространения религиозных убеждений и мнение самих жителей России.

В настоящее время в России распространенность религиозных убеждений выглядит примерно следующим образом (с поправкой на заинтересованность лиц проводящих исследование): православные в Церкви — 41 %; верят без религии — 25 %; атеисты — 13 %; мусульмане — 4,7 %; христиане — 4,1 %; мусульмане сунниты — 1,7 %; православные вне церкви — 1,5 %; язычники — 1,2 %; буддисты — 0,5 %; Староверы <0,5 %; протестанты <0,5 %; мусульмане шииты <0,5 %; католики <0,5 %; иудаисты <0,5 %; индуисты и др. <0,5 %; пятидесятники <0,5 % [1].

Однако численные показатели не смогут дать полной картины и более важным представляется распространение религиозных убеждений в регионах Российской Федерации, исходя из численного соотношения их с другими конфессиями. Мусульмане (и сунниты, и шииты) имеют большинство в: Дагестане — 83 %; в Кабардино-Балкарии — 55 %; в Карачаево-Черкессии — 48 %; в Башкирии — 39 %; в Татарстане — 32 %; в ЯНАО — 17 % [1]. Получается, что Кавказ, стратегически важный пункт юга России, и Поволжье, находящееся практически в центре и делящее страну на две части, имеют значительную долю верующих мусульман. Тем самым любые попытки внедрения какой-либо религии в качестве государственной или увеличения ее доли в информационном пространстве, а также

напротив запрета ее или ограничения, могут встретить упорное сопротивление, что в случае наихудшего развития сценария конфликта может поставить целостность России под угрозу.

Помимо этого, следует обратить внимание и на опросы общественного мнения. К распространению веры россияне в настоящее время относятся хуже, чем четверть века назад. Если в 1990 г. с тем, что рост религиозных убеждений пойдет на пользу обществу в целом соглашалось большинство опрошенных (61 %), то сегодня — только треть (36 %). Положительный эффект лично для себя ранее прогнозировали 41 %, в настоящее время — 33 %. Чаще эту точку зрения разделяют последователи православия и других религий, представители старшего поколения, жители Москвы и Санкт-Петербурга.

Напротив, о вреде распространения религиозных убеждений в настоящее время говорят значительно чаще: для общества в целом — с 5 % в 1990 г. до 23 % в 2015 г., для себя — с 3 % до 18 %, соответственно. При этом если тех, кто полагает, что это не будет играть какой-либо роли относительно социума, стало заметно больше (28 % в 2015 г. против 18 % в 1990 г.), то относительно самих себя — практически не изменилось (43 % и 39 %, соответственно) [5].

С 2007 г. по 2015 г. доля россиян, выступающих за сохранение конституционной нормы о светском государстве, заметно выросла: с 54 % до 64 %. Каждый десятый (10 %) полагает, что стране все же нужна определенная религиозная составляющая (в 2007 г. таковых было 17 %). Восстановление государственной религии на законодательном уровне поддерживают по-прежнему около 10 % опрошенных (13 % в 2007 г. и 12 % в 2015 г.). Православные придерживаются данной точки зрения реже, нежели последователи других религий (13 % и 19 %, соответственно), однако чаще, чем неверующие (3 %) [4].

Церкви следует влиять на духовную жизнь социума, но не вмешиваться в политику — таково представление об идеальных взаимоотношениях церкви, общества и государства 47 % наших сограждан. Такое же количество (47 %) отмечают, что в настоящее время церковь верно выстраивает свои отношения с социумом, высказывая свою позицию только при необходимости и не вмешиваясь в вопросы, ее не касающиеся [4].

Каждый третий (32 %) считает, что представителям церкви не следует как-либо вмешиваться в светскую жизнь, а заниматься проблемами веры и религии. 18 % отмечают в настоящее время чрезмерно активное участие религиозных институтов в общественной жизни (среди атеистов — 36 %, тогда как среди православных в два

раза меньше — 15 %). Другие же (14 %), напротив, ратуют за увеличение роли церкви в решении острых социальных вопросов. При этом 18 % сетуют, что ее участие в жизни страны недостаточно [4].

Учитывая изложенное, представляется, что самыми правильными действиями государства в религиозной сфере при проведении государственной национальной политики будет неукоснительное соблюдение конституционных и законодательных норм об отделении церкви от государства. Речь не идет об уменьшении или увеличении доли религии в государственной национальной политике, речь идет о полном абстрагировании от нее.

Несмотря на то, что Общественная палата Российской Федерации в проводимых исследованиях ни раз обращала внимание на то, что потенциал основных религиозных организаций, действующих в России, не задействован в должной мере для развития межэтнической терпимости и противодействия межэтническим и межнациональным противоречиям (среди опрошенных верующих респондентов доля этнически нетерпимых оказалась 27 %, а среди опрошенных неверующих респондентов 24 %) [3], представляется, что это должно оставаться внутренним делом самих конфессий. Безусловно, они могут использовать свой потенциал в установленных законодательством рамках, но государство не должно ни мешать им в этом, ни тем более помогать.

Список литературы:

1. Атлас религий и национальностей России [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 15.09.2015).
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] Правовая база Консультант+ (дата обращения: 15.09.2015).
3. Межэтническая нетерпимость: причины и факторы распространения [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.oprf.ru/ru/documents/498/> (дата обращения: 23.10.2013).
4. Пресс-выпуск ВЦИОМ России №2861 «Церковь и общество: вместе или порознь?» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (дата обращения: 10.08.2015).
5. Пресс-выпуск ВЦИОМ России №2888 «Религия: за и против» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329> (дата обращения: 26.07.2015).
6. Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс] Правовая база Консультант+ (дата обращения: 15.09.2015).

СЕКЦИЯ 7.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, ст. преподаватель Новгородского филиала
Современной гуманитарной академии в г. Великий Новгород,*

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

TO THE QUESTION THE SEPARATION OF POWERS IN LOCAL SELF-GOVERNMENT SYSTEM

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Novgorod branch
of the Modern University for the Humanities in Veliky Novgorod,*

Russia, Veliky Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу путей совершенствования разграничения полномочий между муниципальными образованиями. Автор, анализируя практики организации систем местного самоуправления, предлагает отдельные механизмы по совершенствованию системы местного самоуправления. Научная новизна исследования определяется тем, что оно представляет собой комплексный анализ и обобщение существующей практики применения норм муниципального права, предложения по совершенствованию федерального закона о местном самоуправлении.

ABSTRACT

This article analyzes ways to improve the division of powers between municipalities. The author, analyzing the practice of organization of local self-government system, and proposes some mechanisms to improve the system of local government. Scientific novelty of research is determined

by the fact that it is a complex analysis and synthesis of the existing practice of application of norms of municipal law, proposals for improving the Federal law on local self-government.

Ключевые слова: муниципалитет; система; поселенческий принцип организации; территориальный принцип организации; функции местного самоуправления.

Keywords: the municipality; the system; the settlement organization principle; the territorial principle of organization; the functions of local government.

В Конституции Российской Федерации [1], впервые в истории России урегулированы вопросы местного самоуправления, признание и гарантии которых составляют основы конституционного строя. В развитие конституционных норм был принят Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], который установил общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» неоднократно реформировался. Федеральный закон № 131-ФЗ устанавливает общие принципы организации и деятельности органов местного самоуправления, которые нуждаются в дальнейшей конкретизации.

В частности, при определении правовых гарантий и полномочий различных уровней местного самоуправления, обращает на себя внимание полное либо частичное копирование прав муниципалитетов, организованных по поселенческому (сельские и городские поселения) и территориальному (муниципальные районы) принципу. Некоторые из полномочий, идентичные для поселений и районов, что связано с сущностью муниципального образования и его правосубъектностью. Например, статья 14 пункт 1 подпункты 1—3 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ о вопросах местного значения городского, сельского поселения, установила основные полномочия местного поселения, в том числе вопросы составления бюджета, местные налоги и сборы, владение, пользование и распоряжение, принадлежащим муниципалитету имуществом [4]. Аналогичные вопросы местного значения Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ указаны в статье 15 пункте 1 подпункты 1—3 для муниципального района [4]. Органы местного самоуправления в отличие от органов государст-

венной власти в соответствии со ст. 12 Конституции РФ [1] не входят в систему органов государства, т. е. осуществляют свою деятельность самостоятельно, но вместе с тем это наиболее приближенные к населению органы публичной власти. Правовые, организационные отношения осуществляются в рамках законов, в которых определяются полномочия отдельных муниципалитетов в системе категорий органов местного самоуправления.

По мнению автора, с принятием Федерального закона № 131-ФЗ не решены вопросы разграничения полномочий муниципальных образований, образованных по территориальному и поселенческому принципу, происходит «распыление» бюджетов между уровнями местной власти, что вызывает справедливые нарекания населения об отсутствии бюджетных средств, например для обеспечения гарантий прав населения на услуги в организации культуры и обеспечении объектов культуры. Например, 23.06.2015 года на Пленарном заседании Общественной палаты РФ были рассмотрены вопросы о координации мер по развитию сельских территорий в целях обеспечения эффективного использования бюджетных ассигнований, направленных на удовлетворение потребностей сельского поселения в услугах организаций культуры [3].

Следует отметить, что в настоящее время в Федеральном Законе № 131-ФЗ более 10 вопросов местного самоуправления муниципалитетов, образованных по поселенческому и территориальному признаку, в том числе по вопросам культуры, можно считать идентичны. В частности, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ в статье 15 «Вопросы местного значения муниципального района» указывает:

«19) организация библиотечного обслуживания населения межпоселенческими библиотеками, комплектование и обеспечение сохранности их библиотечных фондов;

19.1) создание условий для обеспечения поселений, входящих в состав муниципального района, услугами по организации досуга и услугами организаций культуры;

19.2) создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества в поселениях, входящих в состав муниципального района [4].

Следовало бы исключить бюджетные ассигнования, направленные на удовлетворение потребностей сельского населения в услугах организаций культуры из бюджета районного муниципалитета. Переданные в бюджеты поселений бюджетные средства и использовались на выполнение вышеуказанных функций.

Отдельные вопросы местного значения, тем не менее, имеют всеобщий характер, должны быть реализованы на любом уровне муниципалитетов, образованных на основе территориального и поселенческого принципа. В частности, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ в статье 15 «Вопросы местного значения муниципального района» указывает об осуществление мер по противодействию коррупции в границах муниципального района [4], а в статье 14 «Вопросы местного значения городского, сельского поселения» — «осуществление мер по противодействию коррупции в границах поселения» [4]. Вопросы участия в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения и территории муниципального района, участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и другие могут быть решены только при участии всех уровней государственной власти и местного самоуправления одновременно [4].

Предусматривая в системе органов местного самоуправления перечень вопросов местного значения (в статьях 14 и 15), Федеральный Закон № 131-ФЗ допускает возможность указания на полномочия, которые на отдельном уровне повторяются в части. Например, подпункт 4 пункта 1 ст. 14 Федерального Закона № 131-ФЗ относит к вопросам городского, сельского поселения «организацию в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации» [4]. Одновременно в подпункте 4 пункта 1 ст. 15 Федерального Закона № 131-ФЗ вопросы местного самоуправления муниципального района определены, как «организация в границах муниципального района электро- и газоснабжения поселений в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации» [4]. Таким образом, электро- и газоснабжение являются предметами совместного ведения сельского, городского поселений и муниципального района одновременно. Следует учесть, что тепло- и водоснабжение являются составными частями энергетического комплекса и связаны технологической цепочкой последовательно. Исключение ассигнований на поселенческом уровне на электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведение, снабжение населения топливом укрепит гарантии местного самоуправления на территориальном районном уровне по этим вопросам и оперативно обеспечит контроль за предоставлением муниципальных услуг. Аналогично решение вопросов эффективного использования бюджетных средств на удовлетворение потребностей и оказание услуг

в сфере жилищно-коммунального хозяйства городского округа будет урегулированы по отношению к полномочиям органов государственной власти.

Важнейшей гарантией установления компетенции уровней муниципальной власти является норма, согласно которой перечень вопросов местного значения не может быть изменен иначе как путем внесения изменений и дополнений в Федеральный Закон № 131-ФЗ [4].

Полномочия органов местного самоуправления представляют собой совокупность прав и обязанностей органов местного самоуправления, реализуемых ими самостоятельно посредством совершения властных действий по кругу вопросов, в том числе путем заключения договоров. Некоторые исследователи полагают, что весь объем нормативного регулирования местного самоуправления должен быть сосредоточен на уровне субъектов Российской Федерации, вместе с тем на практике такой способ не оправдан. Муниципальные договоры, их содержание и порядок заключения определены в статье 15 Федерального Закон № 131-ФЗ [4]. Право заключать договоры предоставлено органам местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района. Право ограничено соглашениями с органами местного самоуправления муниципального района о передаче им осуществления части своих полномочий по решению вопросов местного значения за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджетов этих поселений в бюджет муниципального района в соответствии с БК РФ [4]. Наоборот, органы местного самоуправления муниципального района вправе заключать соглашения с органами местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, о передаче им осуществления части своих полномочий по решению вопросов местного значения за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджета муниципального района в бюджеты соответствующих поселений в соответствии с БК РФ [4].

Указанные соглашения должны заключаться на определенный срок, содержать положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, в том числе досрочного, порядок определения ежегодного объема указанных межбюджетных трансфертов, необходимых для осуществления передаваемых полномочий. Порядок заключения соглашений определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования [4].

Для осуществления переданных в соответствии с указанными соглашениями полномочий органы местного самоуправления имеют

право дополнительно использовать собственные материальные ресурсы и финансовые средства в случаях и порядке, предусмотренных решением представительного органа муниципального образования. Таким образом, остаются не разрешенными вопросы: в каком Уставе городского, сельского поселения, либо в Уставе муниципального района предусматривается порядок заключения соглашений, либо это второстепенные правовые нормативные акты, которые могут быть приняты представительными органами районного муниципалитета либо представительными органами городского либо сельского поселения.

Дефиниция «отдельные соглашения» указывает, что в муниципальном районе такие соглашения заключаются с конкретными муниципалитетами на определенный срок, содержат положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, в том числе досрочного, порядок определения ежегодного объема указанных межбюджетных трансфертов, необходимых для осуществления передаваемых полномочий. Такими полномочиями не наделяются органы местного самоуправления поселений, при условии, если нормативные акты (Устав муниципального района либо решение представительного органа муниципального района) не содержат порядка заключения соглашений, в таком случае городское либо сельское поселение передать полномочия и заключить соглашение не сможет. В статье 14 Федерального Закона № 131-ФЗ не предусмотрено право городскому и сельскому поселению и их представительным органам самостоятельно определять порядок заключения соглашений с районным муниципалитетом по вопросу передачи полномочий. В законе не урегулированы и вопросы заключения соглашений между муниципалитетами городских и сельских поселений, например, по вопросам финансирования и эксплуатации объектов, находящихся в долевой собственности органов местного самоуправления городских и сельских поселений. Примером могут послужить отношения по поводу эксплуатации единого объекта водоотведения на территории городского и сельского поселения и вопросы его финансирования.

Существует два вида полномочий органов местного самоуправления: по решению вопросов местного значения или «собственные полномочия» и отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления или «делегированные полномочия». Процесс наделяния государственными полномочиями должен иметь различные механизмы реализации с позиции наделяния их соответствующими финансово-материальными ресурсами.

Формами разграничения компетенции государственных и муниципальных органов власти устанавливает исчерпывающий перечень вопросов местного значения [4]. Формами разграничения их полномочий являются законы и подзаконные нормативные акты федерального, регионального и местного уровней власти.

Федеральный Закон № 131-ФЗ указывает, что законодатель, по сути, вышел за пределы «общих принципов», обосновывая это необходимостью обеспечения гарантий права населения на местное самоуправление. Субъектами федерации, в силу разных причин, в том числе из-за различного толкования важнейших конституционных положений, не только не предпринимались необходимые меры для своевременного регулирования этого института, но и искажалось его предназначения [4].

Само по себе отнесение к совместному ведению Российской Федерации и субъектов федерации не означает, что детальная регламентация организации местного самоуправления осуществляется законами субъектов Российской Федерации. Имеет право на существование и точка зрения, что вся законодательная регламентация организации местного самоуправления должна находиться в рамках общих принципов его организации на федеральном уровне, а все более подробное регулирование организации местного самоуправления устанавливается местным сообществом непосредственно в Уставе муниципального образования. Федеральный Закон № 131-ФЗ достаточно полно излагает вопросы местного значения, которыми ведают различные уровни и субъекты местного самоуправления, однако не разграничивает их в полном объеме.

Публичная власть имеет различные организационные формы. Публичная власть территориального коллектива муниципального образования и коллектива, организованного по поселенческому принципу, по своей природе различна. Органы такой публичной власти не входят в систему органов государства, но они могут осуществлять передаваемые им отдельные полномочия некоторых органов государства, сотрудничают с органами государства в решении «смежных» вопросов с вопросами местного значения и государственной компетенции. Соответственно отдельные вопросы местного значения требуется вынести в отдельную статью либо главу закона, указав все субъекты местного самоуправления, обеспечивающие выполнение данного полномочия. Муниципальная власть отличается от власти государственной не только приближенностью к интересам населения конкретной территории, но и, как правило, большей степенью участия самого населения в осуществлении этой власти.

Например, антитеррористическая защищенность и способы ее обеспечения должны быть отличны для городского и сельского поселения, от организации на уровне муниципального района. Население городского и сельского поселения, городского округа непосредственно принимает участие в обеспечении защиты, а муниципальный район, в большей степени, осуществляет организационное руководство.

Дифиниция о том, что публичная власть может быть муниципальной, сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в п. 4 и 7 мотивировочной части постановления от 24 января 1997 г. по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» [2].

По мнению автора, в Российской Федерации сложилась двойственная концепция местного самоуправления. Согласно Конституции РФ процесс направлен на достижение общественной модели регулирования, а Федеральный Закон № 131-ФЗ тяготеет к государственной модели организации и контроля за деятельностью органов местного самоуправления. Таким образом, для реализации концепции местного самоуправления автор предлагает внести дополнения и изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ, а именно:

1. Разграничить вопросы местного значения для муниципалитетов поселенческой и территориальной формы организации.

2. Исключить из перечня вопросов местного самоуправления территориальных муниципалитетов (районов) социально-значимые вопросы, реализация которых возможна только на уровне городского либо сельского поселения.

3. Выделить в отдельный раздел либо отдельную главу вопросы местного самоуправления, реализация которых требует согласованных действий со стороны всех муниципалитетов, организованных по территориальному и поселенческому принципу.

4. Урегулировать в федеральном законе порядок и условия заключения соглашений между муниципалитетами всех уровней, в частности предоставив право городским и сельским поселениям заключать договоры для организации межмуниципального сотрудничества.

Таким образом, отсутствие разграничения компетенции в сфере местного самоуправления порождает проблемы, связанных с взаимоотношениями органов государственной власти и органов местного самоуправления, муниципалитетов, построенных по территориальному и поселенческому принципу, что, несомненно, не может не отразиться

на определении пределов самостоятельности органов местного самоуправления.

В ходе государственного и муниципального строительства в субъектах РФ вырабатываются многообразные формы взаимодействия между органами местного самоуправления, что в свою очередь, требует дальнейшего регулирования отношений и совершенствования законодательства на федеральном уровне. Наличие самостоятельной, не находящейся в административной зависимости от государственных органов, системы местного самоуправления, построенной на территориальных и поселенческих принципах, гармонизации этих отношений, позволят обеспечить единственный способ влияния государства на деятельность органов местного самоуправления.

Состояние местного самоуправления характеризует развитие демократии в обществе. Именно местное самоуправление выступает в роли наиболее важного связующего звена между обществом и государством, эффективного использования бюджетных ассигнований, предоставления полного перечня муниципальных услуг как на селе, так и в городских поселениях и округах.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular>(дата обращения 23.09.15).
2. По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики: постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П // СЗ РФ. — 1997. — № 5. — Ст. 708.
3. Перечень поручений Президента РФ по итогам Пленарного заседания Общественной палаты РФ от 23.06.2015 г. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kremlin.ru/>(дата обращения 23.09.15).
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular>(дата обращения 23.09.15).

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Андрющенко Светлана Васильевна
председатель, Комитет по культуре,
РФ, г. Омск
E-mail: svet_696@mail.ru

REGULATORY CONTROL OF SOCIOCULTURAL RELATIONS IN RUSSIAN SOCIETY

Svetlana Andryushchenko
chairperson, Culture Committee,
Russia, Omsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам законодательного регулирования отрасли культуры. Раскрываются вопросы, связанные с реализацией принятых законов и нормативно-правовых актов. Особое внимание обращается на правовую и материальную базу функционирования учреждений. Выявлены правовые проблемы, изложены рекомендации и предложения по совершенствованию законодательства РФ в сфере культуры.

ABSTRACT

The article is devoted to the issues of legislative regulation of cultural industry. Questions related to the implementation of adopted laws and legal acts are revealed. Particular attention is drawn to the legal and material base of institutions functioning. Legal problems are identified; recommendations and offers how to improve the legislation of the Russian Federation in the sphere of culture are explained.

Ключевые слова: деятельность культуры; правовое регулирование; правовые акты.

Keywords: cultural activity; legal regulation; legal acts.

Политические и социально-экономические изменения оказали влияние на развитие общества. Поспешно принимаемые нормативные акты несут локальный характер, что и обрекает их на противоречия.

В непростой ситуации оказалось и законодательное регулирование сферы культуры. В связи с чем, необходимо отметить, что есть необходимость в анализе правового пакета, регулирующего отношения в этой области. Нормативно-правовые акты нуждаются в переработке и приведении в соответствие с нормами законодательства.

Политика в России несовершенна и учреждения культуры постоянно принуждают подстраиваться под новые условия, но при этом сама форма политики не меняется. Сюда можно отнести тот фактор, что государство пытается перевести учреждения культуры на самообеспечение, тем самым свои обязанности по финансированию перекладывает на учреждение с помощью убеждения оказания платных услуг, но не учитывается, что отсутствует достаточное количество ресурсов к этому. Тем не менее, осознание государственной важности культуры в настоящее время приводит к совершенствованию законодательной базы на федеральном уровне в части контроля качества оказываемых услуг путем выполнения независимой оценки качества, а также в части увеличения оплаты труда работников, что является мотивацией труда и как следствие — стремление государства привести культуру согласно требованиям и запросам общества. Кроме того, существуют такие проблемы как определение наиболее приоритетных сфер вложения денежных средств, взгляды, выражающие интересы различных социальных классов, устоявшееся постоянство по остаточному принципу — с точки зрения финансирования.

Правовое регулирование это важнейший фактор, определяющий государственную политику в области культуры и развития культуры в общем. Формирование законодательства о культуре сыграло положительную роль в культурной жизни страны, которое позволяет создать прочную основу механизма реализации положений Конституции РФ и культурных прав человека.

В настоящее время деятельность культуры регламентируется рядом следующих правовых актов: Конституция РФ [1], Закон РФ «Основы законодательства РФ о культуре» № 3612-1 от 09.10.1992 г. в редакции № 122-ФЗ от 22.08.2004 г. [2], Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [4], Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [6], Федеральный закон от 06.01.1999 г. № 7-ФЗ « О народных художественных

промыслах» [7]; Приказ Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 18.06.2003 г. № 313 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в РФ (ППБ 01-03)», Правила пожарной безопасности для учреждений культуры Российской Федерации (ВППБ 13-01-94) (введены в действие приказом Министерства культуры РФ от 01.11.1994 г. № 736) [3], Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изменениями и дополнениями) [8] Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики», Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования», Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5], кодексы РФ и т. д.

Мелкие закупки в объеме до 100 тысяч рублей осуществляются в соответствии с нормами п. 4 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 г. — № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» — прямыми договорами, при условии, что объем годовых закупок не превысит двух миллионов рублей. Согласно данной норме производятся закупки материалов, средств, мелкого оборудования [5].

Крупные закупки в объеме до 400 тысяч рублей осуществляются в соответствии с нормами п. 5 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 года № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5].

Контракты на оказание услуг, требующих лицензирование или наличие свидетельства на оказание данного вида работ, заключаются на основании результатов конкурсов, аукционов, централизованных закупок. Виду тщательного анализа и экспертизы всех обязательных условий контрактов на начальном этапе заключения, а также сбора достоверных сведений о продавце (подрядчике) — проблем со сроками поставки, сроками окончания работ, качеством товаров и услуг не возникает. Источниками финансирования учреждений культуры являются субсидии на выполнение муниципального задания учреждения, бюджетные ассигнования, доходы учреждения

от приносящей доходы деятельности учреждения, добровольные взносы (пожертвования), безвозмездные перечисления от юридических и физических лиц, субсидии из местного бюджета. Доходы, полученные от предпринимательской деятельности, поступают в свободное распоряжение учреждения.

С 1 января 2006 года действует Федеральный закон от 06.10.03 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», на основании которого, за счет средств бюджетов субъектов осуществляется охрана памятников регионального значения, за счет средств местных бюджетов — муниципального значения, что ухудшает состояние памятников федерального значения [4].

Практика работы учреждений культуры в условиях реализации Федерального закона от 06.10.03 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» требует решения следующих вопросов:

1. Оработки механизмов перераспределения финансовых средств.

2. Выравнивание процесса информатизации сельских Домов культуры, что позволит включить их в широкое информационное пространство, обеспечить сельских жителей доступом к информационной структуре. Из-за недостаточности средств слабо развивается материально-техническая база сельских учреждений культуры. Здания требуют капитального ремонта и реконструкции. Пользователей библиотек не удовлетворяют устаревшие библиотечные фонды.

3. Развитие нестационарного обслуживания, необходимость которого диктуется малочисленностью населенных пунктов и большими расстояниями между ними.

4. Законодательной инициативы в вопросах о спонсорстве и меценатстве, инвестициях в культуру.

Отсутствие вышеизложенного осложняет работу учреждений клубного типа и делает её малоэффективной.

Особое беспокойство вызывает состояние, сложившееся в сфере законодательного регулирования культуры и объектов культурного наследия после вступления в силу Федерального закона от 22.08.04 № 122-ФЗ. Данным Федеральным законом внесены изменения в законодательные акты РФ. В частности, изменяется система социальной защиты населения

В настоящее время проблема не только в недостаточном финансовом обеспечении учреждений культуры, но и организационных трудностях, связанных с реализацией принятых законов и правовых актов. Сколько бы отрасль не модернизировалась,

оптимизировалась, реформировалась, классические проблемы остались. Бюджетные средства практически все расходуются лишь на сохранение сети: содержание зданий и заработную плату.

Список литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (Дата обращения 23.09.15).
2. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 21.07.2014) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/104540> (Дата обращения 23.09.15).
3. Правила пожарной безопасности для учреждений культуры Российской Федерации (ВППБ 13-01-94) (введены в действие приказом Министерства культуры РФ от 01.11.1994 г. № 736) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/iw-akty/j7w.htm> (Дата обращения 23.09.15).
4. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.06.2015 г. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment> (Дата обращения 23.09.15).
5. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_144624 (Дата обращения 23.09.15).
6. Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/135765> (Дата обращения 23.09.15).
7. Федеральный закон от 06.01.1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/179957> (Дата обращения 23.09.15).
8. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023 (Дата обращения 23.09.15).

СЕКЦИЯ 8.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВА

Лаврушин Константин Владимирович
аспирант кафедры коммерческого права
Юридический факультет, Университет им. Масарика,
Чехия, г. Брно
E-mail: lawphorum@gmail.com

ECONOMIC ANALYSIS OF LAW

Konstantin Lavrushin
Ph.D. Candidate, Department of Commercial Law
Faculty of Law, Masaryk University,
Czech Republic, Brno

АННОТАЦИЯ

В статье автор описывает историю экономического анализа права, а также указывает на его основные методы исследования. Автор упоминает, что экономический анализ использует в качестве единицы измерения институт эффективности. Однако ее точное определение не дано. Теория и доктрина разработали несколько определений эффективности, основными из которых являются оптимум по Парето и критерий Калдора-Хикса.

ABSTRACT

In this paper the author describes the history of economic analysis of law, and also indicates its main research methods. The author recalls that the economic analysis uses as a measure the institute of efficiency. However, its exact definition is not given. Theory and doctrine developed several definitions of efficiency, the main ones are the Pareto optimum and Kaldor–Hicks criterion.

Ключевые слова: Экономический анализ права; Познер; Парето оптимум; критерий Калдора-Хикса.

Keywords: Economic analysis of law; Posner; Pareto optimum; Kaldor-Hicks criterion.

Экономический подход в праве можно наблюдать уже в трудах утилитаристов Цезаря Бонесара и Джереми Бентама, в трудах Адама Смита и Карла Маркса, а также в трудах представителей американской институциональной школы [7, с. 27]. Р. Познер указывает на то, что до 1960 года экономический анализ права был синонимом экономического анализа *антимонопольного* права (antitrust law) несмотря на то, что уже существовали экономические труды в области налогового права, корпоративного права, патентного права, договорного права [5, с. 23]. Вигл приводит в качестве примера физиократа Франсуа Кёсне, который применял подход к праву типичный для юристов [9, с. 12].

Автор обращает внимание на то, что у экономики и права есть общий предмет исследования, которым является человек. Поэтому можно предположить, что союз экономики и права существовал уже в более раннем периоде. Однако экономический анализ права как систематический способ подхода к праву, т. е. направление law and economics, ассоциируется с годами 1960—1961. В указанные годы были опубликованы статьи Коузе и Колабresi, которые являются основными трудами новейшего экономического анализа права. К этим авторам позднее присоединились Г. Беккер и Р. Познер, который в 1975 году опубликовал книгу «Экономический анализ права».

Т. Митчели замечает, что применение экономического анализа права основано на тезисе, что экономическая эффективность полезна и плодотворна для исследования правовых норм и институтов [4, с. 3]. По мнению Л. Брандиса, юрист, который не знаком с экономикой, способен стать вредителем общества [8, с. 33]. Экономический подход к праву можно применить в трех уровнях. Во-первых, с применением экономических институтов и моделей, можно прогнозировать последствия изменений в праве, например как изменится поведение субъекта права от изменения закона. Во-вторых, экономический подход может раскрыть общую основу правовых институтов. В-третьих, экономический анализ права может помочь принять лучшее решение в отношении полезности предлагаемых законодательных изменений. Т. Рихтер полагает, что любой законодатель нуждается в предикативной теории поведения человека, без которой законодатель становится лишь экспериментатором [6, с. 30].

Отличие в мышлении экономиста и юриста приводит Р. Познер следующим примером: неосторожный охотник подстрелил другого охотника, который требует возместить ущерб [5, с. 23]. По мнению Р. Познера основной вопрос для юриста заключается в том, должны ли быть возмещены лечебные расходы стрелявшим охотником, точнее будет ли это справедливым. Для экономиста, данный несчастный случай является закрытой темой; лечебные расходы являются необратимыми издержками. Экономист интересуется вопросом как подобные несчастные случаи предотвратить.

Позитивный и нормативный анализ права

Каждое общество должно ответить на три основных экономических вопроса: Что? Как? Для кого? При этом необходимо отличать вопросы, касающиеся фактов, от вопросов касающихся справедливости. Данное отличие означает и разный подход к исследованию. Позитивная экономика описывает экономические факты, нормативная экономика требует оценочного суждения.

Позитивный экономический анализ права, иногда так называемый дискриптивный, описывает поведение человека, т. е. реакцию человека на действующее право, и прогнозирует поведение человека. Позитивный анализ права не вмешивается в право как таковое, а берет его как данное. В противовес к позитивному анализу права, нормативный анализ решает задачу, как может быть закон улучшен, чтобы он стал эффективным. Данный анализ основан на предположении, что эффективность является целью права и что правовые нормы должны быть изменены, если они этой цели не соответствуют [4, с. 3].

Оба вида анализа имеют место быть. Позитивный анализ остается по отношению к праву индифферентным. Нормативный анализ наоборот пытается достичь оптимальной правовой нормы, для чего вначале оценивают действующее право, применяя позитивный экономический анализ.

Эффективность как основная единица измерения

В качестве основной единицы измерения экономической анализ права приводит эффективность. Однако автор указывает на то, что не существует единого определения, т. е. данная единица измерения не имеет объективного характера.

Эффективность права можно рассматривать в трех уровнях. Во-первых, эффективность содержания права, т. е. право в материальном определении. Во-вторых, эффективность формы права. В-третьих, срок действия права, т. е. эффективность «жизнеспособности» правовой нормы. Академик Кнапп по поводу данного, упоминает, что для

эффективности правового акта важна также его форма [3, с. 117]. К вопросу «жизнеспособности», Кнапп указывает, что частое изменение действующего права, приводит к снижению авторитета права в сознании людей и к понижению эффективности влияния права в обществе [3, с. 165]. Автор считает, что все три определения эффективности права должны быть даны одновременно, чтобы правовая норма могла быть эффективной. По мнению профессора Цепла, условиями эффективного действия права также является повышение гармонии и взаимодействия различных нормативных систем (формальных и неформальных, официальных и негосударственных) [1, с. 31].

Экономический анализ права работает с двумя основными определениями эффективности. Во-первых, оптимум по Парето (также Парето оптимум), а во-вторых, критерий Калдора-Хикса.

Парето оптимум это состояние (положение), когда никто не может увеличить свое богатство, одновременно не уменьшая богатство другого. Понятие «богатство» многозначно, под ним можно представить все, что делает человека счастливым. Парето выявляет, что польза не является единицей измерения. Так же Парето отказался от интерперсонального сравнения благосостояния, что привело к отказу от общественного блага, как совокупности индивидуальных благ. Таким образом, общественный (Паретово) оптимум не является агрегатом, а определяется как «конstellляция» индивидуальных оптим [2, с. 193].

Критерий Калдора-Хикса, также известный как критерий возмещений или анализ расходов и доходов, основан на оптимуме по Парето. Отличие состоит в том, что критерий Калдора-Хикса применим также в том случае, если увеличение богатства одного субъекта, приводит к уменьшению богатства другого субъекта. В данном случае важна разница между увеличением с одной стороны и уменьшением с другой стороны богатства; если эта разница является положительной, то данные действия являются эффективными. При этом, неважно, будет ли субъект, увеличивший свое богатство, реально компенсировать субъект, у которого богатство уменьшилось. Данный критерий основан лишь на теоретической компенсации.

Помимо выше указанных двух типов эффективности, автор приводит в пример эффективность по Рихтеру [6, с. 30]. Он, ссылаясь на С. Браинбридже, рассматривает так называемую народную эффективность. Она преобразует принцип Познера о максимализации богатства в принцип, по которому общество должно достигать своих целей, какими бы они не были, при этом попусту не тратя денег. Автор

напоминает, что экономия ресурсов, означает снижение трансакционных издержек. Комменс рассматривал трансакционные издержки не только в рамках обменных сделок, но прежде всего в рамках менеджерских сделок или сделок распределительных. Снижение трансакционных издержек он видел в правилах честного поведения.

Список литературы:

1. CEPL V. Prameny práva — principy nebo zájmy. In Sborník textů ze seminářů „Ekonomika, právo a politika“. Praha : CEP — Centrum pro ekonomiku a politiku, 1999, č. 1, s. 31—42.
2. HOLMAN R. a kol. Dějiny ekonomického myšlení. 3. vydání. Praha : C.H. Beck, 2005, s. 193.
3. KNAPP V. Teorie práva. Praha : C.H.Beck, 1995, s. 117, 165.
4. MICELI T., J. Economics of the law. Oxford-New York: Oxford University Press, 1997, s. 3.
5. POSNER R.A. Economic analysis of law. 6th edition. New York: ASPEN Publishers, 2003, s. 23.
6. RICHTER T. Insolvenční právo. Praha : ASPI, Wolters Kluver, 2008, s. 30.
7. VELJANOVSKI C. The Economics of Law. Second edition. London: The Institute of Economic Affairs, 2006, s. 27.
8. VELJANOVSKI C. Economic principles of law. Cambridge: Cambridge university press, 2007, s. 33.
9. WEIGEL W. Economics of the law: a primer. New York: Taylor & Francis e-Library, 2008, s. 12.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ченус Алексей Викторович

*канд. юрид. наук, доцент преподаватель юридического факультета
им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,*

РФ, г. Москва

E-mail: alexal_2004@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF LEGAL RESPONSIBILITY DURING THE SOVIET PERIOD

Aleksey Chepus

*candidate of jurisprudence, associate professor teacher of law department
of M.M. Speransky of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные теоретические концепции и взгляды в отношении юридической ответственности как правового института, ее диалектические связи с иными видами ответственности (социальной, политической). Особое внимание уделено государственно-правовой ответственности ее принципам, основаниям, признакам. В статье рассматриваются и разнообразные подходы к понятию юридической ответственности, дается авторское видение сущности ответственности в советский период.

ABSTRACT

There are considered the main theoretical concepts and views concerning legal responsibility as legal institute, its dialectic communications with other types of responsibility (social, political) in article. The special attention is paid to state and legal responsibility to its principles, the bases, signs. There are considered also various approaches to concept of legal responsibility, is given author's vision of essence of responsibility during the Soviet period in article.

Ключевые слова: юридическая ответственность; теория права; принуждение; санкция; обязанность; подходы.

Keywords: legal responsibility; theory of the right; coercion; sanction; duty; approaches.

В теории права имеется весьма обширный спектр исследовательских оценок идей юридической ответственности как юрико-правового, политико-социального феномена. Различные подходы к пониманию сущности юридической ответственности отражают многоаспектный характер этого явления, при этом оно рассматривается с учетом критического осмысления исторического опыта развития России, а так же в сравнении с традициями и особенностями культурно-исторического и политико-правового развития России [9, с. 8]. Объединяющим началом не только эпохи имперской

России, советского и современного этапов является отсутствие единства мнений в теории юридической ответственности, определения ее сущности, понятия, количества функций, принципов, критериев классификации, а также соотношения со смежными правовыми категориями, поэтому обращение к генезису данного института в России в теории политико-правовой и философской мысли, является необходимым условием выявления содержательной стороны юридической ответственности, что, в конечном счете, должно аккумулироваться в предлагаемых идеях по совершенствованию всего механизма государства.

Вопрос о развитии идей юридической ответственности в советский период остается предметом острых дискуссий среди ученых различных направлений. И.М. Степанов рассматривает юридическую ответственность, через социалистический конституционализм как «целостное мировоззренческое учение о фундаментальных политико-правовых ценностях социалистической общественно-государственной организации, которые основываются на взаимной ответственности индивида и государства» [10, с. 8]. Нельзя согласиться с автором, что «неразвитой парламентаризм — показатель неразвитой парламентской ответственности органов и должностных лиц, а с уничтожением парламентаризма, как было в советскую эпоху, кончается и ответственность как таковая» [11, с. 3]. Юридическая ответственность, в том числе и перед парламентом явление присущее государственно-правовой организации, не может «закончиться», а может только видоизмениться.

Противоположная точка зрения, высказанная в юридической литературе О.И. Чистяковым, полагает, что о становлении юридической ответственности в России можно говорить со времен принятия первых правовых актов, а о конституционной ответственности с принятия конституционных актов, к которым автор относит советские конституции [13, с. 7]. Поэтому речь должна идти о становлении формальной конституционной ответственности, так как Конституция РСФСР 1918 года, стала первой кодифицированной Конституцией России.

И.А. Кравец выдвигает тезис о том, что в советскую эпоху конституционной ответственности в нашем государстве не было, однако была юридическая ответственность в виде уголовной, гражданской, административной и моральной. Все советские конституции, подтверждали этот тезис, т. к. были фиктивны и «существовавший тип юридической ответственности не может быть определен как конституционной, прежде всего потому, что фундаментальные принципы конституционализма не стали фактом действительности» [7, с. 344].

В советской юридической науке вплоть до начала 70-х годов XX столетия вообще отрицалось наличие государственно-правовой (и тем более конституционной) ответственности, т. к. государственно-правовая ответственность отождествлялась с политической, а в отраслевом законодательстве закреплялись нормы иных видов юридической ответственности, в связи с этим не было необходимости в разработке самостоятельного института государственно-правовой ответственности.

В 1973 г. С.А. Авакьян, анализируя санкции в советском государственном праве, отметил, что «ответственность субъекта государственно-правового отношения — это политическая ответственность, поскольку она выступает в сфере реализации политических интересов, осуществления политической власти и ее функций. Вместе с тем, это ответственность правовая, поскольку она формируется в статьях нормативных актов. Оба названных свойства переплетаются, поэтому можно говорить о политико-правовой ответственности субъектов государственного права» [1, с. 50].

Юридическая ответственность в сфере государственно-правовых отношений по мнению многих исследователей того времени была сведена к ответственности за некомпетентность или недостаточное поведение субъекта соответствующих отношений, и воспринималась как некая мера отрицательного воздействия со стороны общества, связанная с политическим воздействием, т. е. фактически являлась политической ответственностью.

Таким образом, при исследовании основных аспектов ответственности, рассматриваемого периода, можно констатировать факт, что конституционная ответственность не выделялась как таковая, т. к. в основном играла второстепенную роль по отношению к политической ответственности, с помощью которой «обеспечивается возможность оценки деятельности поведения субъектов государственно-правовых отношений со стороны других субъектов тех же отношений» [2, с. 17].

Процесс формирования концепции ответственности в советский период (после 70-х годов) характеризуется разнообразием мнений, высказанных в юридической литературе относительно содержания понятия ответственности.

Наиболее детальную проработку проблема юридической ответственности получила в работе Ю.П. Еременко и Ф.М. Рудинского, опубликованной в 1974 году [6, с. 28]. В ней были отражены, такие важнейшие аспекты проблемы, как понятие юридической ответственности в советском государственном праве, ее отличие от иных видов юридической ответственности, а также особенности понятия

ответственности в узком юридическом смысле. Вместе с тем, как и в иных работах советского периода, государственно-правовая ответственность рассматривалась правоведами через призму политической ответственности, что нашло свое отражение, прежде всего, в формулировании самого понятия ответственности. Государственно-правовая ответственность — это, по их мнению, «установленная государством и выраженная в конституционных и иных нормах конституционного права обязанность, обращенная к государству, общественным организациям, должностным лицам, гражданам соблюдать конституционные нормы и в случае их нарушения претерпевать определенные конституцией и иными законами лишения политического характера» [6, с. 31].

Само понятие юридической ответственности многими теоретиками раскрывалось в одном ключе — таковая есть мера осуждения и влечет за собой применение санкции к правонарушителю. Понимание ответственности у В.А. Тархова сводится к буквальному филологическому смыслу термина «ответственность», а именно к тому, что «в русском языке ответственность определяется как обязанность дать отчет своим действиям, поступкам и т. п.» [12, с. 8]. Он полагал, что, когда общественные отношения не нарушаются, ответственность существует, но не применяется. Если не исполняются обязанности и нарушаются общественные отношения, то возникает необходимость в призывании к ответственности [12, с. 4]. Юридическая ответственность — это регулируемая правом обязанность дать отчет в своих действиях. «Истребование отчета основной признак и сущность ответственности, а последует ли за отчетом осуждение и наказание — это уже иной вопрос». Ответ на вопрос: перед кем держать ответ — перед своей совестью (чувство ответственности) или перед другим лицом — сущность понятия не меняет, — считает В.А. Тархов. Следует согласиться с мнением автора о том, что юридическая ответственность неразрывно связана с обязанностью. Без обязанности не может быть состояния ответственности, без нарушения обязанности не может быть привлечения к ответственности [12].

В.М. Горшенев развивает в своих исследованиях концепцию об ответственности, «как обязанности давать отчет в своих действиях». Он включает юридическую ответственность в статус личности в качестве важного его компонента и определяет ее (ответственность) как признаваемую государством «способность лица (гражданина, учреждения, органа государства, должностного лица и т. д.) отдавать отчет в своем противоправном деянии и претерпевать на себе меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения благ, непосредственно ему принадлежащих» [4, с. 104]. При этом необходимо, по мнению

В.М. Горшенева, иметь в виду две стороны, или стадии, ответственности: первая — это ответственность как общая предпосылка, или статутная ответственность; вторая, наступающая при наличии конкретного правонарушения, — субъективная ответственность [4].

О.Э. Лейст дает определение ответственности через понимание санкции как указания нормативного акта на меры принуждения, которые будут применены органом государства в случае нарушения нормы права [8, с. 86]. Он подчеркивает, что поставил перед собой задачу исследовать понятие санкции в этом ее значении, а не в значении самой меры государственного принуждения, вытекающей из указания нормативного акта. О.Э. Лейст утверждает, что санкция является необходимым атрибутом правовой нормы, мерой государственного принуждения — реакцией на противоправное поведение и, как следствие, ответственность — применение и реализация санкции в случае правонарушения [8 с. 67].

С.С. Алексеев, раскрывая понятие ответственности указывает, что ответственность связана с государственным принуждением и осуждением правонарушителя, подчеркивает, что «юридическая ответственность всегда выражается в особых, новых; обременительных для лица обязанностях (например, лишении ранее существовавшего права, лишении свободы и др.) [3, с. 375].

При анализе достоинств и недостатков той или иной формулировки вышеперечисленных правоведов категории «ответственности», отмечу только что общим для теоретиков права того времени (вплоть до конца 70-х годов XX в) являлось тотальное игнорирование самой возможности государственно-правовой ответственности, а, следовательно, ответственности органов государственной власти, т. к. исполнение норм государственного права, по их мнению, обеспечивалось закреплением в отраслевом законодательстве мер юридической ответственности, поэтому отсутствовала необходимость разрабатывать самостоятельный институт государственно-правовой ответственности. Наиболее распространенной в юридической литературе 60—70 х годов точкой зрения о статусе юридической ответственности стала трактовка его как меры государственного принуждения, реакции на совершенное правонарушение, которая выражалась в осуждении и установлении для правонарушителя определенных отрицательных (неблагоприятных) последствий в виде ограничений (лишений) личного или имущественного порядка.

При таком подходе к проблеме ответственности естественен вывод, что основной чертой, определяющей ее сущность, является кара или наказание, т. е. фактически, понимание сущности ответственности в советское время было сродни позицией Библейских

представлений об ответственности, лишь только с одним отличием — в советское время возмездие индивиду осуществлялось не Богом, а государственными органами. Согласно словарю В.И. Даля «ответственность есть обязанность отвечать за что-то, повинность ручательство за что-то, долг дать в чем-то отчет» [5, с. 742].

Принятием Конституции РФ 1993 года и появлением таких новых институтов, как разделение властей, Парламент, Президент, местное самоуправление и формирование их ответственности друг перед другом и было обусловлено появлением целого конгломерата новейших научных исследований о юридической ответственности. Особое внимание в них было уделено рассмотрению и анализу такого вида ответственности как конституционной в отношении органов исполнительной власти.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. 1975. № 10.
2. Авакьян С.А. Размышления конституционалиста: Избранные статьи. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2010.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972.
4. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: «Юридическая литература». 1972.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. 2.
6. Еременко Ю.П., Рудинский Ф.М. Проблема ответственности в советском государственном праве / В кн.: Юридическая ответственность в советском обществе. Волгоград, 1974.
7. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг»; Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2000.
8. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962.
9. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: дис. докт. юр. наук: 12.00.01 / СПб., 1998.
10. Степанов И.М. Социалистический конституционализм: сущность, опыт, проблемы // Советское государство и право. 1987. № 10.
11. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. М.: Манускрипт, 1996.
12. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1973.
13. Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М.: ИКД «Зерцало-М», 2003.

СЕКЦИЯ 9.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УЧЕТ МНЕНИЯ ВЫБОРНОГО ПРОФСОЮЗНОГО ОРГАНА ПРИ УВОЛЬНЕНИИ РАБОТНИКА

Демидов Николай Вольтович

*канд. юрид. наук, доцент, НИ Томский политехнический университет,
Зап.-Сиб. филиал Российского гос. университета правосудия
РФ, г. Томск*

E-mail: fra_nickolas@list.ru

CONSIDERATION OF A TRADE UNION ELECTED AGENCY OPINION AT THE DISMISSAL OF AN EMPLOYEE

Nikolai Demidov

*cand. of Law, Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic
University, West Siberian Branch of Russian State University of Justice
Russia, Tomsk*

АННОТАЦИЯ

В статье методами сравнительного правоведения анализируется нормативное правовое регулирование отношений по учету мотивированного мнения органов профессионального союза при увольнении работника. Учитываются имеющиеся акты судебно-разъяснительного характера. На основе зарубежного опыта делается вывод о необходимости пересмотра существующих специальных гарантий. Предлагается исключить из содержания Трудового кодекса РФ требование об обязательном восстановлении на работе работника, уволенного с нарушением правил учета мнения профсоюзного органа.

ABSTRACT

The article analyzes legal regulation of consideration of the opinion of a trade union at the relation dismissal of an employee by the methods

of comparative law. It exists instruments of judicial-explanatory character of consideration. On the basis of foreign experience concludes the necessity to revise the existing special guarantees. It is proposed to exclude from the content of point 82 of the Labor Code requirement to consider the reasoned opinion of the trade union at the termination of the employment contract with the employee-union members.

Ключевые слова: сравнительное трудовое право; расторжение трудового договора по инициативе работодателя; увольнение члена профсоюза; гарантии при увольнении.

Keywords: comparative labor law; termination of employment contract by the employer's initiative; the dismissal of union members; the guarantee of dismissal.

Согласно ст. 82 Трудового кодекса РФ [6], увольнение работника, являющегося членом профсоюза, в связи с сокращением численности или штата работников, несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе, неоднократном неисполнении трудовых обязанностей требует учета мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. В соответствии со ст. 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» высвобождение по инициативе работодателя работников, входящих в состав профсоюзных органов и не освобожденных от основной работы, допускается помимо общего порядка увольнения только с предварительного согласия профсоюзного органа, членами которого они являются, профгруппоргов — соответствующего органа подразделения организации (при его отсутствии — соответствующего профсоюзного органа в организации), а руководителей и членов профсоюзных органов в организации, профорганизаторов — только с предварительного согласия соответствующего объединения (ассоциации) профсоюзов [7]. В силу ст. 27 того же закона данный порядок увольнения распространяется и на бывших сотрудников профсоюзных органов в течение двух лет после окончания срока полномочий.

В соответствии с решением Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 г. № 3-П допускается увольнение работников профсоюзных органов без согласия соответствующих профсоюзных органов в случаях совершения ими дисциплинарных проступков [4]. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что «запрет на увольнение работника, совершившего противоправное деяние, являющееся законным основанием для расторжения трудового

договора по инициативе работодателя, представляет собой несоразмерное ограничение прав работодателя как стороны в трудовом договоре и в то же время субъекта экономической деятельности и собственника. Такого рода ограничение не обусловлено необходимостью защиты прав и свобод, закрепленных статьями 30 (часть 1), 37 (часть 1) и 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, нарушает свободу экономической (предпринимательской) деятельности, право собственности, искажает существо принципа свободы труда и в силу этого противоречит предписаниям статей 8, 34 (часть 1), 35 (часть 2), 37 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации». Приведенное решение отражает определенную тенденцию к расширению свободы работодателя в социально-партнерских отношениях. В русле этой же закономерности лежат и поправки, внесенные в ст. 374 Трудового кодекса РФ в июне 2014 г. [8], упрощающие прекращение трудового правоотношения с работником, входящим в состав выборного коллегиального органа профсоюзной организации.

В США закон не устанавливает специализированной процедуры для высвобождения члена или сотрудника профсоюза. Как и в Великобритании, запрещены только увольнения, прямо обусловленные профсоюзной деятельностью работника. В руководстве, изданном Национальным бюро по трудовым отношениям (National Labour Relations Board) оговаривается, что причины увольнения должны быть экономическими или связанными с виновным поведением работника. «Это правило применяется и к активным деятелям профсоюза. Дисциплинарные меры законны, если работодатель докажет, что работник подвергся бы тому же самому взысканию, даже если бы не участвовал в деятельности профсоюза» [9, с. 16].

В британском трудовом праве гарантии членам и сотрудникам профсоюза при увольнении носят достаточно ограниченный характер. Trade Union Labour Relations (Consolidation) Act 1992 [11] устанавливает общее правило: «незаконно увольнять человека на основаниях, касающихся членства в профсоюзе» (TULR(C)A 1992, s. 137). Увольнение работника является несправедливым, если причиной (или основной причиной) было членство в профсоюзе, участие в профсоюзных акциях, а также отказ от членства в профсоюзе (TULR(C)A 1992, s. 152 (1)). Консультативная служба примирения и арбитража (ACAS) дала следующие рекомендации: «Дисциплинарные меры против представителя профсоюза могут привести к серьезному спору, если это будет расценено как нападки на деятельность профсоюза. Если предпринимаются дисциплинарные меры, дело следует обсудить,

после получения согласия работника, с вышестоящим профсоюзом» [10].

Поправки к TULR(C)A 1992 от 1999 г. устанавливают обязанности работодателя по отношению к профсоюзу в случае массового сокращения работников. Работодатель должен сообщить в письменной форме причины предстоящих увольнений, критерии отбора работников, все процедурные сроки. Обязательными являются также переговоры по условиям предстоящего увольнения. Согласно ст. 188(4) на этих консультациях по возможности достигается согласованный план сокращений. При нарушении условий, закрепленных в локальных нормативных актах, суд вправе признать высвобождение работников незаконным. Однако это не означает неперемного восстановления на прежнем рабочем месте. Британские ученые-трудовики считают, что принудительное восстановление не позволит в дальнейшем достичь того уровня сотрудничества, который необходим в трудовых отношениях [12, с. 166]. Суд исходит из того, что процедурные правонарушения работодателя не должны повлечь негативных последствий для производственной деятельности организации. Если скоро работодатель счел нужным освободиться от группы работников, значит ему это действительно необходимо. Поэтому ответственность за злоупотребления возлагается в денежной форме. Таким образом, за совершенный проступок работодатель отвечает единожды. В случае же восстановления работников материальные потери организации, связанные с неэффективной структурой персонала, приобретут длящийся характер.

Изложенный выше подход западных законодателей представляется целесообразным и для отрасли российского трудового права. Юридические нормы об обязательном учете мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации при увольнении члена профсоюза необоснованно обременяют деятельность предпринимателя. В случае несоблюдения работодателем процедуры учета мотивированного мнения первичного профсоюзного органа увольнение признается незаконным и работник подлежит восстановлению на работе [4]. Таким образом, существует возможность отмены увольнения лишь на основании формального несоблюдения работодателем процедуры расторжения трудового договора. Это ведет к формализации правоприменения, снижает эффективность правового регулирования трудовых и связанных с ними правоотношений. Для осуществления защитной функции профсоюза достаточно установить в законодательстве о труде право суда признать увольнение законным в случае, если в ходе рассмотрения спора выявлено отсутствие

обоснованных возражений со стороны профсоюза против увольнения работника. Восстановление работника на прежней работе согласно ст. 394 Трудового кодекса РФ должно применяться лишь в случае аргументированности таких возражений. В рамках существующего подхода работодатель, после исполнения судебного решения о возобновлении трудового правоотношения, вправе провести процедуру увольнения заново по тому же основанию. В результате нормы о восстановлении в должности не гарантируют работника от увольнения. При обоснованности и справедливости увольнения работодатель должен будет провести процедуру повторно, а также пройти через судебное рассмотрение спора и связанные с этим издержки. Таким образом делать вывод о должной и действительной защите прав и интересов работника становится вряд ли возможно. Единственной положительной стороной описанной ситуации для работника будет надежда, что за период тяжбы истекут сроки привлечения к дисциплинарной ответственности, предусмотренные ст. 193 Трудового кодекса РФ и работодатель не сможет расторгнуть трудовой договор по п. 5 ст. 81 Трудового кодекса РФ.

Сравнительно-правовой анализ соответствующих норм показывает, что современному российскому трудовому праву необходимо концептуальное изменение правовой регламентации исследуемых отношений. Автором в собственном диссертационном исследовании 2009 г. [1] и ряде дальнейших работ [2] предлагается парадигма снижения формализованности правореализации норм об увольнении по инициативе работодателя. Ее элементами являются усиление хозяйской власти в отношениях увольнения, предоставление большей свободы суду в определении обоснованности и справедливости увольнения. Работодателю объективно необходима возможность эффективно комплектовать производственный коллектив. В современной системе трудовых отношений работодатель, работник, иные субъекты трудового права, суд вынуждены опираться на казуистичное понимание норм. Между тем в действительно эффективной правовой системе критерием правомерности является справедливость. Известная мера субъективности этой категории обычно устраняется судом. Ключевым элементом этой концепции является отказ от обязательного восстановления на работе в случае нарушения процедурных стандартов при увольнении работника.

Усиление свободы работодателя не должно повлечь произвола или государственного патернализма. Для оптимального соотношения интересов сторон наряду с усилением хозяйской власти работодателя представляется правильным увеличить объем гарантий незаконно

уволненным работникам. Предоставление большого объема организационных полномочий работодателю можно в достаточной мере компенсировать соответствующим денежным возмещением работнику. Использование средств различной правовой природы позволит избежать конфликтов на почве разграничения интересов работника и работодателя. В качестве базового средства восстановления прав незаконно уволенного работника предлагается закрепить в законе повышенную денежную компенсацию. Действующие нормы о восстановлении на работе являются историческим наследием советского трудового права и далеко не всегда отвечают современным реалиям. Целесообразнее не принуждать к возобновлению трудовых отношений, а защитить материальные и моральные интересы работника. Размеры компенсации должны устанавливаться соглашением работника и работодателя, либо определяться судом.

Список литературы:

1. Демидов Н.В. Увольнение по инициативе работодателя. Дисс. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2009. — 229 с.
2. Демидов Н.В. Юридические препятствия в реализации социально-трудовых прав и законных интересов // Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики. Монография. — М.: Юрлитфинорм, 2015. — С. 580—600.
3. Конституция Российской Федерации (в ред. Федеральных конституционных законов от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 04 августа 2014. — № 31. — Ст. 4398.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 КЗоТ РФ и пункта 25 ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда г. Кемерово // Собрание законодательства РФ. — 18 февраля 2002 г. — № 7. — Ст. 745.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 63 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 31 декабря 2006 г. — № 4263.
6. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 13 июля 2015 года № 242-ФЗ // [Электронный источник] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (Дата обращения: 18.09.2015 г.).

7. Федеральный закон от 12 января 1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 15 января 1996. — № 3. — Ст. 148.
8. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 199-ФЗ «О внесении изменения в статью 374 Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 4 июля 2014 г. — № 6420.
9. Basic guide to the National Labor Relations Act. — Washington: U.S. Government Printing office, — 1997. — 39 p.
10. ACAS Code of Practice 1 Disciplinary and grievance procedures (2003).
11. Trade Union Labour Relations (Consolidation) Act 1992 // [Электронный источник] — Режим доступа. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1992/52/contents> (Дата обращения: 18.09.2015 г.)
12. Collins H. Employment Law. — Oxford University press, 2003. — 974 p.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Надьярных Елена Эдуардовна

старший преподаватель

*кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*

РФ, г. Якутск

E-mail: elena-nadyarnyh@mail.ru

LEGAL REGULATION OF YOUTH'S EMPLOYMENT PROMOTION IN REPUBLIC OF SAKHA YAKUTIA

Elena Nadyarnyh

*senior Lecturer of Civil Law and Procedure Chair, Legal Department,
North-Western State Medical University named after M.K. Ammosov,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ правовых актов республики Саха, содействующих в обеспечении работой молодых граждан. Рассматриваются причины безработицы среди молодежи и содержатся рекомендации по ее снижению.

ABSTRACT

In the article, the analysis of legal acts of the Republic of Sakha is carried out which assist in providing jobs for young people. Reasons of youth's unemployment are considered, and recommendations for its reduction are given.

Ключевые слова: правовое регулирование; молодежь; содействие занятости; государственная молодежная политика; трудоустройство.

Keywords: legal regulation; youth; employment promotion; state youth policy; employment.

Исследование правовой стороны содействия занятости молодежи — весьма актуальная задача, имеющая практическое значение для обеспечения работой (трудоустройства) молодых людей. Трудоустройство представляет собой комплексную и системную социальную проблему. Ее решение преследует более широкие социальные задачи, такие, как помощь молодым людям в развитии своих способностей трудиться; помощь в поиске своего профессионального места и призвания в жизни. При освещении данной проблемы следует учитывать внешний аспект рассматриваемого вопроса, а именно анализ тех факторов, которые влияют на трудоустройство молодежи.

Научно-технический прогресс меняет профессионально-квалификационный состав работников, предъявляет повышенные требования к специальной подготовке работников. Компьютеризация и программное обеспечение многих отраслей экономики ведет к сокращению использования труда человека (спрос во много раз превышает предложение на рынке труда). Это, в свою очередь, приводит к увеличению числа безработных граждан. Особенно велики масштабы безработицы среди такой группы населения, как молодежь.

При анализе состояния безработицы в Республике Саха (Якутия) следует обратить внимание на средний возраст безработных. В 2014 г. он составил 36,6 лет. Молодежь до 25 лет среди безработных составляет 21,7 %. Высокий уровень безработицы отмечается в возрастной группе от 15 до 19 лет (26,6 %) и от 20 до 24 лет (11,5 %). В том числе среди городского населения — 11,9 %, среди сельского

населения — 15,2 %. Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи в среднем по возрастной группе от 15 до 24 лет по сравнению с уровнем безработицы населения в возрасте 30—49 лет составляет 3,1, в том числе среди городского населения — 3,5, сельского населения — 2,2 [14].

Такое положение объясняется несоответствием наличия специалистов, выпускаемых учебными заведениями, потребностям рынка труда на конкретный период времени. В быстро меняющейся экономической ситуации сложно спрогнозировать, какие специалисты будут востребованы через пять лет. В этом случае, когда молодые специалисты не могут быть трудоустроены по имеющимся специальностям, возникает необходимость в их переподготовке. Такая переподготовка должна быть мобильной и проходить в минимальные сроки. Здесь очень важную роль еще играет профессиональная ориентация, включающая в себя широкий круг вопросов: информирование молодежи об имеющихся профессиях и специальностях; ознакомление с теми требованиями, которые предъявляют работникам соответствующие профессии и специальности; выявление способностей, знаний молодого человека, его психофизиологических свойств и соответствие этих личных качеств содержанию будущей работы. Результатом профориентации должно быть обеспечение условий для профессионального самоопределения личности с последующей ее самореализацией в условиях территориального проживания.

Эти факторы, влияющие на занятость молодежи, обуславливают специфику ее положения на рынке труда, тем самым предполагают наличие специальных правовых механизмов в содействии занятости населения.

В основе правового регулирования содействия занятости молодым гражданам лежат не только объективные факторы внешней среды, влияющие на поиск работы, но и субъективные. Это особые свойства, характеризующие данную категорию безработных граждан.

Правовое регулирование содействия занятости молодежи в Республике Саха (Якутия) основано на молодежной политике, проводимой государством по обеспечению гарантий в сфере труда и занятости молодежи.

Государственная молодежная политика является системой формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, влияет на социально-экономическое

и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности.

Данная политика нашла свое отражение в постановлении Верховного Совета РФ от 03.06.1993 г. № 5090-1 «Об основах направления государственной молодежной политики в Российской Федерации» [9], где в качестве главной задачи было определено обеспечение условий для достижения экономической самостоятельности и реализации права молодых граждан на труд при структурной перестройке экономики и высвобождении работников, размещении производительных сил и создании новых рабочих мест.

Кроме того, распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р были утверждены Основы государственной молодежной политики в РФ на период до 2025 г. [16], где основным принципом реализации молодежных мероприятий является предоставление государством базового объема услуг для начала трудовой деятельности молодежи. Следует особо отметить приоритетные задачи государства, выделенные правительством в данной сфере: 1) создание условий для развития профориентационной работы среди молодежи и построение эффективной траектории профессионального развития; 2) создание условий для максимально гибкого включения молодого человека в новые для него виды деятельности, а также стимулирование работодателей, принимающих на работу молодежь из наиболее социально незащищенных категорий; 3) привлечение в районы Сибири и Дальнего Востока, а также в сельскую местность молодежи из других регионов России путем создания благоприятных условий для ее трудовой деятельности; 4) создание условий для самореализации молодежи во всех субъектах РФ, стимулирование трудовой, образовательной и социальной мобильности молодежи; 5) создание равных условий молодым людям с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам в социализации, реализации творческого потенциала, трудоустройстве и предпринимательской деятельности; 6) развитие моделей молодежного самоуправления и самоорганизации в ученических, студенческих и трудовых коллективах, а также по месту жительства.

Цели государственной молодежной политики нашли отражение в государственной программе «Содействия занятости населения» [15]. Органы государственной власти субъектов РФ самостоятельно определяют политику действий на рынке труда, в т. ч. направленную на повышение конкурентоспособности молодежи. В соответствии со ст. 7.1-1 Закона «О занятости населения в Российской Федерации» [3] к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ отнесено предоставление государственных услуг и исполнение государственных

функций в области содействия занятости населения, которые они осуществляют в соответствии с федеральными государственными стандартами государственных услуг и государственных функций в этой области.

Для успешного осуществления поставленных государством задач по содействию занятости молодежи, в Республике Саха (Якутия) был принят Закон Республики Саха (Якутия) от 03.12.1998 г. № 49-П «О государственной молодежной политике в Республике Саха (Якутия)» [6]. Этот закон устанавливает следующие основные направления, посвященные обеспечению прав и гарантий в сфере труда и занятости молодых граждан (ст. 13):

- создание дополнительных рабочих мест, специализированных учебных мест для несовершеннолетних;
- установление в соответствии с законодательством квот приема на работу выпускников общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций, а также лиц моложе 18 лет, особо нуждающихся в социальной защите;
- предоставление бесплатных профориентационных услуг и информации о свободных рабочих местах и вакансиях, помощи государственной службы занятости в подборе подходящей работы и трудоустройстве;
- поддержка деятельности негосударственных организаций, содействующих занятости молодежи;
- привлечение молодежи к временным, сезонным и общественным работам;
- оказание консультативно-методической, информационной и юридической помощи молодым гражданам [6].
- Кроме того, органы государственной власти Республики Саха (Якутия) в пределах своих полномочий:
 - оказывают молодым специалистам социальную и психологическую помощь при устройстве на работу;
 - создают условия для предоставления молодым специалистам срочных, среднесрочных кредитов на приобретение жилья;
 - направляют молодых специалистов на повышение квалификации;
 - осуществляют мероприятия по реализации программ по обеспечению жильем молодых специалистов и молодых семей [6].

При формировании программ занятости населения учитывается специфика профессиональной подготовки молодежи и предусматриваются специальные разделы (подпрограммы), отражающие политику трудоустройства по отношению к молодым гражданам. В частности,

в целях стимулирования деятельности по созданию дополнительных рабочих мест для молодежи, организациям, создающим дополнительные рабочие места, могут предоставляться льготы по налогообложению в соответствии с законодательством РФ и Республики Саха (Якутия) [4]. В целях содействия трудоустройству молодых специалистов в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования предложено организовывать службы содействия трудоустройству.

Финансирование государственной молодежной политики осуществляется за счет средств государственного бюджета Республики Саха (Якутия), местных бюджетов, внебюджетных фондов, а также других не запрещенных законом источников. Программа «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в Республике Саха (Якутия) на 2014—2017 годы» [20] предусматривает финансирование в размере 564866,90 тыс. руб. Объем средств по содействию занятости населения, в том числе и молодежи, заложен в одноименной программе на 2012—2017 годы и составляет 4909790,6 тыс. руб.

В Республике Саха (Якутия) установлена система мер по социально-экономической, организационной, правовой поддержке молодежного предпринимательства (ст. 14 Закона «О государственной молодежной политике в Республике Саха (Якутия)») [6]. При этом особо следует отметить формирование на конкурсной основе государственных заказов молодежным коммерческим организациям на реализацию социально значимых программ. Такой заказ обеспечивается материальными ресурсами и финансовыми средствами. Для участия в конкурсе допускаются молодежные коммерческие организации, в которых 75 % работающих, являются молодыми гражданами. Молодым предпринимателям и молодежным коммерческим организациям могут быть предоставлены льготы по налогам в части, зачисляемой в государственный бюджет Республики Саха (Якутия), местный бюджет, если это предусмотрено налоговым законодательством РФ и Республики Саха (Якутия). Органы исполнительной власти Республики Саха (Якутия) оказывают молодежному предпринимательству информационную, консультационную, образовательную и финансово-кредитную поддержку через созданную инфраструктуру поддержки малого предпринимательства.

В соответствии с Законом Республики Саха (Якутия) «О государственной молодежной политике в Республике Саха (Якутия)», а также, в целях создания условий для воспитания у молодежи гражданского сознания и личностной самореализации, на территории городского округа «Город Якутск» ежегодно утверждаются ведомст-

венные целевые программы «Молодежь Якутска» [6]. Эти программы направлены на финансирование проведения мероприятий, обеспечивающих содействие общеобразовательной и профессиональной подготовки молодежи и организации свободного времени молодежи. Организация временной занятости молодежи включает в себя: создание бригад по благоустройству и озеленению города; формирование и организацию работ студенческих строительных отрядов; ежегодное проведение слета ССО и молодежных трудовых отрядов.

Отметим отрядный факт, связанный с возрождением студенческих отрядов. Сделано это по инициативе ГУП «Биржа труда студентов (молодежи) Республики Саха (Якутия)» [11].

Важную роль в успешном трудоустройстве молодых граждан играют проводимые биржей труда студентов совместно с объединением подростковых клубов, мероприятия, содействующие молодежи в заключении трудовых договоров с работодателями г. Якутска на летний период. Молодые люди трудоустраиваются на работу по благоустройству города и сельских поселений республики. При этом в трудовых договорах устанавливается минимальная оплата труда, которая в 2014 г. составила 15000 руб., указываются условия премирования, проживания, обеспечения рабочей одеждой, питания и транспортного обслуживания молодых работников. Ежегодно заключается около 400 подобных трудовых договоров [7].

По официальным данным Центра занятости населения г. Якутска [7] в 2014 г., для приобретения опыта и навыков работы были трудоустроены 984 человека в возрасте до 18 лет. Для работы растениеводами, рабочими, вожатыми, волонтерами, инструкторами по пропаганде здорового образа жизни, артистами. Дети из социально-незащищенных, многодетных и неполных семей по направлению или рекомендации комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, комиссии по делам несовершеннолетних отдела внутренних дел г. Якутска пользовались приоритетным правом при приеме на работу.

Следует отметить еще одно мероприятие окружной администрации г. Якутска, направленное на активизацию политики занятости. Это муниципальная программа «Социальная поддержка и содействие занятости населения на 2013—2017 годы» с объемом финансирования в размере 15052,0 тыс. руб. [13].

В рамках программы, во-первых, осуществляется временное трудоустройство несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время. Определены социально-обусловленные цели: приобщение подростков к труду, получение ими профессиональных навыков и адаптация на рынке труда, снижение социальной

напряженности и преступности. Приоритетным правом при трудоустройстве на временные работы пользуются несовершеннолетние граждане, находящиеся в трудной жизненной ситуации и испытывающие трудности в поиске работы [4]. Ежегодно трудоустраиваются около 160 несовершеннолетних граждан. Из средств бюджета г. Якутска на возмещение затрат по приему на работу несовершеннолетних граждан работодателям выделяется 1.000.000 руб., в т. ч. 800.000 руб. составляют затраты по выплате заработной платы молодым работникам и уплату страховых взносов по обязательному социальному страхованию работников; 100.000 тыс. руб. компенсируют расходы на приобретение мелкого инвентаря, спецодежды; 100.000 руб. выделяется на приобретение призов для несовершеннолетних работников, для поощрения и стимулирования их трудовой деятельности [4].

Во-вторых, муниципальная программа обеспечивает проведение оплачиваемых общественных работ. Отличительной особенностью данного вида деятельности является их доступность для различных категорий незанятого населения. Довольно высока вовлеченность школьников к таким работам в каникулярные периоды. Основными видами общественных работ являются: делопроизводство; благоустройство и озеленение территорий; социальная помощь и уход за больными, престарелыми и инвалидами; проведение мероприятий общественно-культурного назначения; обслуживание ветеранов Великой Отечественной войны и тыла; сельскохозяйственные работы и т. д. [13].

В-третьих, осуществляется проведение ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, целью которых является профессиональная ориентация и информирование выпускников школ и незанятой молодежи о возможностях получения профессионального образования в г. Якутске и за его пределами. Проводятся республиканские месячники по профориентационной работе. Осуществляется содействие самозанятости студентов путем сбора коммерческих предложений по временной работе, допускающей совмещение с обучением. Проводятся конкурсы отборов образовательных учреждений для профессиональной переподготовки безработных граждан [13].

В результате центрами занятости населения в 2014 г. было заключено 220 договоров о получении единовременной финансовой помощи на открытие собственного дела. Из них 63 договора было заключено с молодыми гражданами в возрасте от 18 до 29 лет [13].

Наиболее незанятой и незащищенной группой на рынке труда оказалась сельская молодежь. Поэтому для того чтобы молодые люди оставались работать на своей «малой родине», службы занятости систематически проводят в пригородных поселках Дни открытых

дверей; организуют мобильные центры с выездом два раза в месяц в пригородные поселки и ближайшие улусы; предоставляют приоритетное право при направлении для трудоустройства по специальным программам; оказывают содействие самозанятости и предпринимательской деятельности при организации собственного дела; проводят ежеквартальный мониторинг проблем занятости, трудовых и профессиональных ориентаций населения села и пригорода.

Например, в целях привлечения и закрепления кадров в оленеводстве Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Саха (Якутия) утвердило «Порядок выплаты единовременного пособия лицам, впервые выезжающим на работу в оленеводство», в соответствии с которым выплачивается единовременное пособие в размере 100 МРОТ с учетом районного коэффициента [12].

Однако, несмотря на проводимую работу по содействию занятости молодежи, в республике прослеживается низкая конкурентоспособность на рынке труда молодых сограждан. Причем, можно наблюдать две крайности в их нетрудоустройстве. Во-первых, не могут найти работу молодые люди, не имеющие профессионального образования, особенно несовершеннолетние, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Во-вторых, поиском работы занята и молодежь, имеющая профессию и специальность. Разгадка здесь кроется в перекосе современного российского образования. Структура профессиональной школы в республике смещена в пользу получения высшего профессионального образования. Однако, ежегодно около двух тысяч выпускников высшей школы не могут трудоустроиться по полученным специальностям. Такую же картину можно наблюдать и в сфере среднего профобразования. Многие выпускники профессиональных учебных заведений получают специальности, которые не востребованы на рынке труда и возрастание спроса на них в ближайший период не прогнозируется. Действительность такова, что республиканский банк вакансий содержит около 80 % рабочих профессий.

Причем, приведенные выше формы содействия занятости не затрагивают такую категорию молодежи, которая получила среднее или высшее профессиональное образование и пытается трудоустроиться сразу после окончания учебного заведения. Конечно, это связано с тем, что работодатели заинтересованы в приеме на работу опытных специалистов. Есть и другое объяснение: законодательство не относит эту категорию к гражданам, испытывающим трудности

в поиске работы в отношении, а значит нет и квотирования в их трудоустройстве.

Представляется, что данную проблему следует разрешить с помощью специального закона республики «О квотировании рабочих мест для молодых специалистов Республики Саха (Якутия)». При этом к молодым специалистам следует отнести граждан, впервые поступающих на работу в течение трех лет после окончания образовательного учреждения высшего профессионального или среднего профессионального образования, имеющего государственную аккредитацию (не независимо от форм получения образования). Размер квот и порядок их предоставления может быть определен с помощью уже опробованного правового механизма стимулирования работодателей посредством выделения субсидий из республиканского и (или) местного бюджетов, как это сделано для других категорий молодежи.

Молодые работники, за исключением несовершеннолетних, как специальные субъекты трудовых отношений, не получили должного правового оформления. Государство не восприняло, изобретенные при социализме распределение и закрепление молодых кадров на производстве. Современное кадровое решение, нашедшее отражение в различных программах содействия трудоустройства молодежи не достигает положительного решения.

Причины не востребованности молодых людей на рынке труда многочисленны. Это и упущение связанные с подготовкой молодых специалистов; отсутствие профессиональных стандартов; недостаточность правовых стимулов работодателей при приеме на работу молодых людей. Таким образом, необходима активная государственная нормотворческая политика, посвященная эффективной и плодотворной занятости молодежи.

Список литературы:

1. Антипов А. Профориентация молодежи: сегодня и завтра. // Человек и труд. — 2012. — № 7. — с. 26—28.
2. Базиленко Т. Влияние службы занятости на предпринимательскую активность безработных. // Человек и труд. — 2012. — № 5. — с. 28—31.
3. Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» /СЗ РФ. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7039.
4. Закон Республики Саха (Якутия) от 28.06.2012 1093-3 № 1079-IV «О квотировании рабочих мест для трудоустройства граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2012. 18 июля.

5. Закон Республики Саха (Якутия) от 07.11.2013 1231-3 № 17-V «О налоговой политике Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2013. 16 ноября.
6. Закон Республики Саха (Якутия) от 03.12.1998г. № N49-II «О государственной молодежной политики в Республике Саха (Якутия) /Якутские ведомости. 2004. 8 июля.
7. Информация о ходе реализации «Содействия занятости населения городских округов «города Якутска» и «Жатай» на 2012-2-16 год» от 25 ноября 2014 г. // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.zanyakutsk.ru> (дата обращения: 04.09.2015 г.).
8. Орловский Ю.П. Труд молодежи в СССР. Правовое исследование. — М.: Наука, 1974. — с. 256.
9. Постановление Верховного Совета РФ от 03.06.1993 г. № 5050-1 «Об основах направления государственной молодежной политики в Российской Федерации» /Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 25. Ст. 903.
10. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 02.11.2012 г. № 488 «О мерах по реализации Закона Республики Саха (Якутия) «О квотировании рабочих мест для трудоустройства граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2012.7 ноября.
11. Постановление Правительства РС(Я) от 11.06.2014 № 163 «О студенческих отрядах в Республике Саха Якутия», «Положением об организации деятельности студенческих отрядов в Республике Саха (Якутия), «Порядком предоставления субсидии из государственного бюджета Республики Саха (Якутия) на организацию деятельности студенческих отрядов в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2014. 18 июня.
12. Постановление министерства социальной защиты, труда и занятости населения РС(Я) от 28 мая 1997 г. № 23 «О порядке выплаты единовременного пособия лицам, впервые выезжающим на работу в оленеводство» // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.sakha.gov.ru/mintrud>. (дата обращения 04.09.2015 г.).
13. Постановление Окружной администрации г. Якутска от 01.10.2012 № 188п «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Социальная поддержка и содействия занятости населения г. Якутска на 2013—2017 годы»» // Эхо столицы. 2012. 16 октября.
14. Положение о городском конкурсе на звание «Лучший работодатель г. Якутска по содействию занятости населения» // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.zanyakutsk.ru/?p=996126>. (дата обращения 04.09.2015 г.).

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.11.2012 г. № 2149-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «О Содействии занятости населения»»/СЗ РФ. 2014. № 18, ч. 1. Ст. 2147.
16. Распоряжение правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2015 года» / СЗ РФ. 1014. № 50. Ст. 7185.
17. Республиканское (региональное) соглашение «О взаимодействии в области социально-трудовых отношений в Республике Саха (Якутия) между Правительством Республики Саха (Якутия), Федерацией профсоюзов республики Саха (Якутия) и республиканскими объединениями работодателей на 2014—2016 годы» // — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/211501>. (дата обращения 04.09.2015 г.).
18. Трудоустройство молодежи: проблемы и роль образования в их решении: Материалы всероссийской научно-практической конференции 31 октября 2012 г. — Кисловодск: 2012. — с. 32.
19. Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в современных условиях: Материалы III международной научно-практической конференции 26 апреля 2012 г. — Орел: 2012. — с. 168.
20. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 24.02.2014 г. № 2511 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Реализация семейной, демографической и молодежной политике в Республике Саха (Якутия) на 2014—2017 годы»/Якутские ведомости. 2014.12 марта.

СЕКЦИЯ 10.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ

Герасенков Вадим Михайлович

*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
частного образовательного учреждения высшего образования
«Брянский институт управления и бизнеса»,
РФ, г. Брянск
E-mail: mr.va.ger@mail.ru*

PRESSING QUESTIONS OF MAINTENANCE RIGHTS OF SUSPECTS, ACCUSED IN THE PRODUCTION PROCESS INQUIRY

Vadim Gerasenkov

*senior lecturer in the Civil Law Disciplines Private educational institution
of higher education "Bryansk Institute of Management and Business",
Russia, Bryansk*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с обеспечением в полном объеме прав подозреваемого и обвиняемого на защиту в досудебной стадии уголовного судопроизводства в процессе производства предварительного расследования в форме дознания, а также предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, относящиеся к указанной области исследования.

ABSTRACT

This article discusses the current issues related to ensuring the full rights of suspects and accused to defense in the pre-trial stage of criminal proceedings in the course of the preliminary investigation in the form

of inquiry, as well as proposals for improving the criminal procedural law relating to the specified field of study.

Ключевые слова: процесс производства дознания; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальное законодательство; подозреваемый; обвиняемый; право на защиту; уголовный процесс.

Keywords: the process of the inquiry; criminal proceedings; criminal procedure law; the suspect; the defendant; the right to protection; criminal process.

Обеспечение прав и свобод, а также законных интересов человека и гражданина является одной из основных задач современного правового государства, не является исключением и такая область общественных отношений как уголовное судопроизводство, в том числе и предварительное расследование по уголовным делам, включая и процесс производства дознания.

В данной публикации будет акцентировано внимание на обеспечение в полном объеме права подозреваемого, обвиняемого на защиту именно в процессе производства дознания по причине того, что в отличие от предварительного следствия при расследовании уголовных дел в форме дознания в подавляющем большинстве случаев отсутствует обвиняемый, а лицо подозреваемое в совершении преступления получает статус обвиняемого в уголовном процессе только с момента вынесения в отношении него обвинительного акта, то есть после окончания предварительного расследования, когда собраны все необходимые материалы уголовного дела для его рассмотрения по существу в ходе судебного разбирательства и проведен весь спектр следственных и процессуальных действий, что исключает возможность подозреваемого в процессе расследования уголовного дела в форме дознания воспользоваться правами, закрепленными в ст. 47 УПК РФ для обвиняемого и в связи с этим защищать свои права и интересы в процессе досудебного производства исходя из позиции обвинения, что не может в полной мере отвечать такому важному и основополагающему принципу как состязательность сторон в процессе уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что вопросы обеспечения в полной мере права подозреваемого, обвиняемого на защиту в данной публикации исследуется в контексте производства дознания в общем порядке, а что касается производства дознания в сокращенной форме, то учитывая специфику и правовую природу данного уголовно-процессуального

института, указанные вопросы применительно к сокращенному дознанию рассматриваться не будут.

То есть, исходя из вышеизложенного следует, что по общему правилу в процессе производства дознания подозреваемый признается обвиняемым после окончания предварительного расследования, а единственным основанием в соответствии со ст. 224 УПК РФ, когда при производстве дознания подозреваемому может быть предъявлено обвинение в порядке, установленном главой 23 УПК РФ для предварительного следствия является случай избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу и закончить дознание в десятидневный срок с момента заключения под стражу не представляется возможным и только в этом случае подозреваемому в процессе производства дознания возможно предъявление обвинения с вынесением соответствующего постановления и наделение его правами обвиняемого, предусмотренными ст. 47 УПК РФ.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в процессе производства дознания для обеспечения в полном объеме права подозреваемого, обвиняемого на защиту при наличии достаточных доказательств, дающих основание обвинять лицо в совершении преступления обвинение подозреваемому необходимо предъявлять в порядке, установленном главой 23 УПК РФ по всем без исключения уголовным делам предварительное расследование по которым производится в форме дознания в общем порядке с вынесением соответствующего постановления по аналогии с предварительным следствием и наделением лица в отношении которого оно вынесено правами, предусмотренными ст. 47 УПК РФ.

Некоторые ученые предлагают в целях устранения указанного выше недостатка, связанного с обеспечением, связанного с обеспечением в полном объеме права уголовно преследуемого лица на защиту в процессе производства дознания предъявлять обвинение при вынесении уведомления о подозрении в совершении преступления [1, с. 23], что конечно бы сняло вопрос с ущемлением прав на защиту, но тогда в данном случае возникнет новая проблематика, связанная во-первых, с тем, что уведомление о подозрении выносится не по всем уголовным делам расследование по которым производится в форме дознания, а только по тем, которые были возбуждены по факту совершения преступления, но не в отношении определенного лица, а во-вторых, если предъявлять обвинение при вынесении уведомления о подозрении в совершении преступления, то в данном случае устраняется такой участник уголовного процесса как подоз-

реваемый, в связи с тем, что в указанном случае обвинение будет предъявляться лицу, не имеющему вообще никакого процессуального статуса, то есть оно трансформируется в обвиняемого, минуя процессуальный статус подозреваемого, что, по мнению автора, является недопустимым, так как уведомление о подозрении выносится в отношении лица заподозренного во время расследования в совершении преступления, а доказательств, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления может оказаться недостаточно для обоснованного предъявления обвинения.

Поэтому на основании изложенного, представлялось бы возможным сделать заключение о том, что для обеспечения в полном объеме права подозреваемого, обвиняемого на защиту в процессе производства дознания в общем порядке необходимо при наличии соответствующих оснований обвинение подозреваемому предъявлять во всех без исключения случаях в порядке, предусмотренном главой 23 УПК РФ и в связи с этим внести соответствующие изменения в главу 32 УПК РФ, регламентирующую процессуальный порядок производства дознания.

Также следует отметить, что нарушение прав обвиняемого на защиту имеет место быть и при окончании производства предварительного расследования в форме дознания с вынесением итогового, венчающего расследование процессуального документа — обвинительного акта по причине того, что согласно ч. 2 ст. 225 УПК РФ за должностным лицом производившем дознание закреплена лишь обязанность по ознакомлению обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и обвинительным актом без разъяснения сущности предъявленного обвинения и прав обвиняемого, предусмотренных ст. 47 УПК РФ, на что справедливо обращают внимание некоторые ученые [2, с. 40].

Но если в процессе производства дознания в общем порядке во всех без исключения случаях подозреваемому предъявлять обвинение, то у многих вероятно возникнет вопрос о том, что дознание в данном случае по процессуальному порядку производства ничем не будет отличаться от предварительного следствия и с этим нужно будет согласиться, но дело в том, что, по мнению автора основными отличиями дознания от предварительного следствия должны остаться только категория расследуемых преступлений, субъекты его производящие и более ускоренный по сравнению с предварительным следствием срок предварительного расследования.

Исходя из изложенных вопросов, связанных с ущемлением права подозреваемого, обвиняемого на защиту можно сделать заключение о том, что лицам в отношении которых применяются меры уголовно-

процессуального принуждения должна быть обеспечена равная возможность осуществления своего права на защиту независимо от тяжести преступления и формы предварительного расследования, что в большей мере соответствовало бы таким основополагающим принципам как равенство перед законом и состязательности сторон.

Список литературы:

1. Власова Н.А. К вопросу о целесообразности дознания как полной формы расследования//Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов № 22. М.: ФГКУ ВНИИ МВД России, 2013 — с. 20—25.
2. Эстерлейн Ж.В. К вопросу о совершенствовании дознания//Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2004 — с. 40—49.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА СТРАН СНГ

Дядюн Кристина Владимировна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской таможенной академии (Владивостокский филиал),*

РФ, г. Владивосток

E-mail: kristina.dyadyun@yandex.ru

RAPE: FEATURES OF THE LEGISLATIVE APPROACH OF THE CIS COUNTRIES

Kristina Dyadyun

candidate of juridical sciences,

Associate professor of department of criminal law VB RCA,

Russia, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен сравнительно-правовой анализ признаков состава изнасилования, квалифицированных видов данного преступления и наказания за его совершение в уголовном законодательстве стран СНГ. Автор исследует нормативные и научные аспекты регламентации ответственности за изнасилование с учетом требований основополагающих принципов уголовной ответственности и эффективности наказания. В результате предлагаются модификации действующей редакции нормы ст. 131 УК РФ.

ABSTRACT

In given article the rather-legal analysis of signs of structure of the rape, the qualified kinds of the given crime and punishment for its fulfillment in the criminal legislation of the CIS countries is presented. The author investigates standard and scientific aspects of a regulation of responsibility for rape taking into account requirements of basic principles of a criminal liability and efficiency of punishment. Updating of operating edition of norm of item 131 of the criminal code of Russian Federation are as a result offered.

Ключевые слова: изнасилование; насильственные действия сексуального характера; потерпевшее лицо; уголовное законодательство стран СНГ; назначение наказания.

Keywords: rape; violent acts of sexual character; suffered person; criminal legislation of the CIS countries; appointment of punishment.

*«Без принуждения уголовное правосудие было бы бессильным,
без воспитания — бесчеловечным,
однако без справедливости правосудие вообще перестало бы
существовать»
(Яковлев А.М.)*

*«Without compulsion criminal justice would be powerless,
without education — brutal,
however without justice criminal justice in general would cease to exist»
(Jakovlev A.M.)*

Наказание — это восстановление попорченной преступлением справедливости. Оно возможно при одном неперемennom условии, если целью наказания является справедливое воздаяние за причиненное зло [5, с. 90—91]. Уголовный закон должен обеспечивать защиту человека от любого насилия. В то же время далеко не все интересы,

которым причинен вред преступлением, подлежат адекватному возмещению (восстановлению). К таковым, в частности, относятся последствия преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Изнасилование — одно из наиболее общественно опасных деяний указанной категории, причиняющее вред не только физическому, но и психическому здоровью потерпевшего лица, поэтому особенно важна четкая регламентация признаков данного деяния, его квалифицированных видов и установление соответствующего наказания за его совершение. В рассматриваемом вопросе интересным и значимым представляется опыт законодателя стран СНГ. Во-первых, сравнительный анализ позволяет достаточно четко обозначить плюсы и минусы имеющегося подхода, что может способствовать минимизации недочетов. Во-вторых, структура уголовных кодексов стран СНГ схожа, соответственно, изучение особенностей наиболее продуктивно, т. к. в регламентацию ответственности заложены единые цели, принципы и задачи, аналогичные традиции и основы.

Первым значимым вопросом в рассматриваемой теме является вопрос о потерпевшем лице. Действующий УК РФ в ст. 131 указывает, что совершение изнасилования возможно только в отношении лица женского пола [24]. Такой подход, во-первых, противоречит системности уголовного закона, т. к. в остальных статьях главы XVIII используется термин «потерпевшее лицо». Во-вторых, противоречит медицинской трактовке соответствующих терминов, а также их общесоциальному понятию. Так, в сексологии: «половое сношение — генитальный контакт двух индивидуумов с целью получения полового удовлетворения, а также для продолжения рода» [13, с. 223]. В соответствии с толковым словарем, «изнасилование — насильственное принуждение к половому акту» [14, с. 393]. И, наконец, создает проблемы квалификации и разграничения рассматриваемого преступления от насильственных действий сексуального характера.

В отечественной судебной практике считается, что действия женщин, насильственно совершающих любые сексуальные действия с мужчиной, должны квалифицироваться по ст. 132 (насильственные действия сексуального характера) [10, с. 2]. Однако состав указанного преступления охватывает насильственные мужеложство и лесбиянство, а также иные действия сексуального характера (анальный секс, оральный секс, имитации полового акта) [6, с. 364; 15, с. 123; 16, с. 90; 7, с. 368], основной характеристикой которых является «отсутствие естественного полового сношения», являющегося в свою очередь отличительной особенностью изнасилования. Таким образом, специализация происходит по способу совершения насильственных действий.

Отмеченный недостаток отсутствует в УК Украины, Узбекистана и Молдовы, где в соответствующей статье используется термин «потерпевшее лицо» [26; 27; 23]. Более того, законодательный подход в указанных государствах позволяет более четко дифференцировать «изнасилование» как естественное половое сношение (традиционный генитальный акт мужчины и женщины) и «насильственные действия сексуального характера» — насильственное удовлетворение половой страсти в извращенных формах (ст.ст. 152, 153 УК Украины; ст.ст. 171, 172 УК Молдовы)/ насильственное удовлетворение половой потребности в противоестественной форме (ст.ст. 118, 119 УК Узбекистана) [27; 23; 26].

Что касается физиологических особенностей мужчины и женщины, которыми обуславливается мнение «мужчину изнасиловать невозможно», следует отметить, что уголовный закон охраняет не только половую неприкосновенность (запрет на совершение любых сексуальных действий против личности), но и половую свободу личности (право самостоятельно решать, как и с кем удовлетворять свои сексуальные желания). Из чего следует, что если при насильственном половом сношении, осуществляемом женщиной в отношении мужчины, происходит насильственная стимуляция последнего, содеянное по сути все равно является изнасилованием.

Некоторые авторы [2; 17] предлагают объединить рассматриваемые преступления в один состав. Однако указанное нововведение помимо чрезмерного усложнения соответствующей диспозиции, может породить сложности в содержании и толковании используемых терминов и определенные трудности практики применения. К примеру, практическое осуществление двух различных по способу совершения и содержанию преступных действий (полового сношения и иных действий сексуального характера), совершенных в отношении одного и того же потерпевшего с минимальным временным разрывом, фактически будет наказываться в тех же пределах, что и совершение одного из входящих в подобную диспозицию действий (изнасилования или насильственных действий сексуального характера), что в свою очередь противоречит основополагающим принципам назначения справедливого и обоснованного наказания. Законодатель Армении в частности четко указывает, что изнасилование есть насильственное половое сношение мужчины и женщины (ст. 138) в отличие от иных действий сексуального характера (ст. 139) [20].

Следующим важным вопросом является регламентация квалифицирующих признаков изнасилования. В ряде стран СНГ (Украина, Таджикистан, Беларусь, Узбекистан) отягчающим обстоятельством рассматриваемого деяния выступает повторность соответствующих

действий [27; 25; 21; 26]. Уголовный закон Молдовы и Армении содержит в этой области формулировку «осуществление лицом, ранее совершавшим преступления против половой свободы и половой неприкосновенности» [23; 20]. В Азербайджане и Казахстане используется термин «неоднократность» [18; 22]. Однако в любом случае обозначенные факторы нельзя признать синонимичными обстоятельству, указанному в ч. 5 ст. 131 УК РФ (изнасилование потерпевшей, не достигшей 14 лет, лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего). Как известно, судимость категория временная, может быть снята/погашена при наличии установленных законом условий. Соответственно, совершение полового преступления лицом, судимость которого снята, либо погашена, никак не отразится на ужесточении ответственности. Также российский законодатель предусмотрел возможность влияния указанного обстоятельства на размер ответственности только в случае совершения изнасилования малолетней, соответственно, во всех иных случаях повторного осуществления насильственного полового акта преступнику «можно» ни в чем себе не отказывать, т. к. ужесточение ответственности законом не предусмотрено. Кроме того, российский законодатель путается в терминологии: указывается наличие судимости за преступление против половой неприкосновенности *несовершеннолетнего*, при совершении изнасилования малолетней *потерпевшей*. Исходя из правил толкования уголовного закона, осуществление насильственного полового акта с девочкой, не достигшей 14 лет, лицом имеющим судимость за аналогичное преступление, ужесточения ответственности не повлечет, что само по себе является парадоксом и вновь возвращает к проблеме регламентации признаков потерпевшего лица в составе изнасилования.

Разумеется, в силу исключения из российского уголовного закона категории неоднократности и отсутствия в нем понятия повторности, указание на данные факторы как отягчающие наказание, невозможно. Кроме того, «повторность», исходя из анализа соответствующих кодексов стран СНГ, также категория не совсем удачная в сфере обеспечения ужесточения наказания за квалифицированные виды изнасилования, поскольку характеризуется той же проблемой, что и «судимость»: не учитывается в отношении деяний, по которым судимость снята/погашена. Наиболее обоснованной в связи с изложенным представляется позиция законодателя Молдовы и Армении, которая в силу непротиворечия основам российского уголовного закона может быть в нем учтена.

Заслуживающим внимания является и учет в качестве квалифицирующего обстоятельства «совершение изнасилования в отношении 2-х и более лиц» (Таджикистан, Узбекистан, Молдова). В УК РФ подобный признак отсутствует, соответственно, виновный несет ответственность в тех же пределах, что и при совершении изнасилования одного лица. Такой подход нарушает принципы равенства и справедливости, не учитывает повышенные характер и степень общественной опасности содеянного, негативно сказывается на эффективности уголовной ответственности.

Особого внимания заслуживает возможность ужесточения уголовной ответственности за анализируемое преступное деяние по признаку субъекта: совершение родителем, педагогом, близким родственником, либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (ей)». Указанное обстоятельство присутствует в уголовном законе Казахстана и Молдовы в прямом контексте, в УК Украины, Таджикистана и Узбекистана — в косвенном: «изнасилование близкого родственника/члена семьи». Целесообразность данного фактора обусловлена следующим:

1. Распространенность указанного деяния. Даже с учетом высокой латентности подобных преступлений статистические данные показывают, что более 50 % несовершеннолетних (обою пола) были жертвами сексуального насилия в собственном доме, их партнерами становились родственники или члены семьи [3, с. 66; 2, с. 18];

2. Более тяжелые психологические последствия, которые впоследствии могут быть мотивом для совершения насильственных преступлений;

3. Повышенная степень общественной опасности: значимость охраняемого общественного отношения, аморальность содеянного, осуждение большинством членов общества, возможность для виновного в силу личностных взаимоотношений достичь преступного результата и избежать ответственности; размер и степень причиненного вреда.

Введение в перечень отягчающих наказание обстоятельств УК РФ соответствующего пункта (п. «п» ч. 1 ст. 63), предусматривающего возможность ужесточения наказания за совершение любого преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем, педагогом или иным лицом, обязанным осуществлять воспитание/надзор, на практике не позволяет должным образом отразить данный фактор на ответственности виновного лица. Во-первых, в УК РФ отсутствуют правила и пределы учета любого отягчающего обстоятельства и его влияния на вид и размер наказания. Во-вторых, особая общественная опасность и вредоносность полового преступления, совершенного родителем/педагогом, может быть

отражена только в рамках регламентации соответствующего квалифицирующего признака конкретного состава, с установлением четких пределов адекватного наказания в санкции статьи.

По данному вопросу показательны также результаты проведенного анкетирования (опрошено 120 чел., с разбивкой на категории: студенты юридических институтов, обычные граждане, сотрудники правоохранительных органов). При ответе на данный вопрос некоторые опрашиваемые указывали сочетание предложенных вариантов, либо дополняли выбранный вариант ответа собственным.

Таблица 1.

Целесообразность установления повышенной ответственности за половые преступления, совершенные родителем, близким родственником, педагогом, иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего

Общие показатели									
варианты ответов	Целесообразно ужесточить ответственность		Ужесточение ответственности нецелесообразно		затрудняюсь ответить	Ужесточение ответственности необходимо исходя из общественной опасности, аморальности и характера последствий подобных деяний		свой вариант	
	М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж
общее количество опрошенных (120 чел)	≈64 %		≈1,7 %		0 %	≈36 %		≈0,8 %	
	М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж
	≈37 %	27,5 %	≈0,8 %	≈0,8 %		≈14,2 %	≈22 %	0%	≈0,8 %
студенты ЮИ (40 чел)	22,5 %		≈0,8 %		0 %	≈12,5 %		0 %	
	М	Ж	М	Ж		М	Ж		
	≈14,2	≈8,3 %	0 %	≈0,8 %		≈4,2 %	≈8,3 %		
обычные граждане (40 чел)	≈19,2%		≈0,8%		0 %	13,3 %		0 %	
	М	Ж	М	Ж		М	Ж		
	≈9,2 %	≈10 %	≈0,8%	0 %		≈6,7 %	≈6,7 %		
сотр правоохр органов (40 чел)	22,5%		0%		0 %	10 %		≈0,8%	
	М	Ж	М	Ж		М	Ж	М	Ж
	≈13,3 %	≈9,2 %				≈3,3 %	≈6,7 %	0%	≈0,8 %

Таким образом, почти 64 % опрошенных отметили обоснованность ужесточения уголовной ответственности за изнасилование, совершенное родителем/педагогом. Еще 36 % указали, что более жесткое наказание за указанное преступление обусловлено повышенной общественной опасностью, аморальностью и характером последствий. В общей сложности абсолютное большинство респондентов, вне зависимости от половой принадлежности и социального статуса, отметили необходимость ужесточения уголовной ответственности за изнасилование по признаку специального субъекта.

Также следует отметить, что ст. 19 Конвенции о правах ребенка устанавливает обязанность государств принимать все необходимые меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, включая сексуальное злоупотребление со стороны родителей, законных опекунов или других лиц, заботящихся о ребенке [12, с. 155].

Интересными представляются и такие квалифицирующие обстоятельства как: изнасилование, совершенное в условиях массовых беспорядков/общественного бедствия (Таджикистан, Казахстан, Узбекистан); изнасилование близкого родственника (Таджикистан, Молдова); насильственный половой акт в отношении заведомо беременной женщины/ из садистских побуждений (Молдова); изнасилование, совершенное с применением оружия (Таджикистан); сопряженное с умышленным заражением СПИДом (Молдова). В то же время необходимо учитывать особенности российского уголовного закона в части регламентации и учета соответствующих признаков. Тем не менее, некоторые из перечисленных обстоятельств заслуживают внимания в целях рассмотрения возможности их внесения в российский уголовный закон. Например, с учетом необходимости особой охраны репродуктивных прав, совершение изнасилования в отношении заведомо беременной женщины, несомненно, обладает повышенной степенью общественной опасности, следовательно, требует назначения более жесткого наказания за его совершение.

Также следует отметить примечание к ст. 129 УК Кыргызии, где разъясняются особенности квалификации содеянного при ошибке в возрасте потерпевшей, содержание «тяжких последствий» (самоубийство/покушение на самоубийство, психическое расстройство потерпевшей, причинение любого вида тяжести вреда здоровью (прерывание беременности, возникновение внематочной беременности и др.); расшифровка понятия «особо тяжкие последствия» (потеря способности к деторождению, утрата возможности половой жизни в результате изнасилования и др.); дается определение малолетней.

В российском уголовном праве с означенными категориями зачастую возникают проблемы. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности» [11] к тяжким последствиям отнесены только самоубийство и покушение на самоубийство. Относительно возраста потерпевшего лица традиционно указан критерий заведомости осознания данного факта виновным. Таким образом, подход российского законодателя и правоприменителя представляется слишком узким в сфере толкования «тяжких последствий» изнасилования, что в свою очередь может способствовать избежанию виновным лицом заслуженного наказания. В то же время исключение из ст. 131 УК РФ указания на заведомость осознания виновным возраста потерпевшим, способно повлечь нарушения принципов равенства, вины и справедливости уголовного закона.

Еще одним значимым вопросом в свете рассматриваемой темы представляется анализ санкции соответствующей статьи. Для наглядности подход законодателя стран СНГ в указанной области представлен в виде таблицы.

Таблица 2.

Сравнительно-правовой анализ ответственности за изнасилование по уголовному законодательству стран СНГ

Страна	Максимальное наказание по основному составу	Максимальное наказание по квалифицированному составу
РФ	6 лет лишения свободы	20 лет лишения свободы
Азербайджан	8 лет лишения свободы	15 лет лишения свободы
Армения	6 лет лишения свободы	15 лет лишения свободы
Беларусь	7 лет лишения свободы	15 лет лишения свободы
Казахстан	5 лет лишения свободы	20 лет лишения свободы
Кыргызия	8 лет лишения свободы	Пожизненное лишение свободы
Молдова	5 лет лишения свободы	20 лет лишения свободы/ пожизненное заключение
Таджикистан	7 лет лишения свободы	Пожизненное лишение свободы/смертная казнь
Узбекистан	7 лет лишения свободы	20 лет лишения свободы
Украина	5 лет лишения свободы	15 лет лишения свободы

Таким образом, наиболее жесткий предел назначения наказания за основной состав изнасилования установлен в Азербайджане и Кыргызии, наиболее мягкий — в Казахстане, Молдове и Украине. Самое жесткое наказание за насильственный половой акт присутствует

в УК Таджикистана (смертная казнь), далее идут Кыргызия и Молдова (пожизненное заключение), затем — РФ, Казахстан и Узбекистан (20 лет лишения свободы).

В то же время представляется, что в подобных случаях наказание должно служить выражением связи между страданием, которое испытывает наказываемый, и тем страданием, которое он причинил своей жертве; необходимо учитывать психологические аспекты социального статуса жертвы преступления.

Критерии и границы допустимости собственной половой свободы должны определяться потерпевшим лицом. При назначении наказания необходимо учитывать последствия не только физического характера, но и психологического (возникновение у жертвы изнасилования фобий — боязнь звонков, страх выходить из дома, изменение образа жизни в негативную сторону — употребление наркотиков, алкоголя и т. п.). Однако, как свидетельствует практика, указанные модификации никак не учитываются судом при назначении наказания виновному лицу. Например, по делу Л. суд первой инстанции признал возникновение у потерпевшей в результате изнасилования душевной болезни. Однако суд вышестоящей инстанции приговор отменил, признав наличие у Л. психического расстройства и его взаимосвязь с совершенным в отношении нее преступным деянием, тем не менее, указав на «ненадлежащую полноту» исследования данного обстоятельства в судебном заседании [1]. Подобные формальные «отписки» далеко не единичны. Однако за «сухими» цифрами и отчетами стоит судьба конкретного человека. Подобные решения нарушают все принципы назначения справедливого и обоснованного наказания, противодействуют эффективности уголовной ответственности, создают у виновного чувство «безнаказанности». Действительно, получается неважным, смогла ли жертва оправиться после изнасилования, либо причиненная травма полностью «разрушила» жизнь, суд все равно назначает наказание в единых пределах.

Ш-Л. Монтескье писал: «Свобода существует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступления» [9, с. 3]. По мнению И.И. Карпец, «наказание назначается не только для того, чтобы конкретный преступник (и другие) не совершал преступления, но и за то, что он совершил» [4, с. 57]. К. Маркс отмечал, что наказание должно быть действительным следствием преступления, предел наказания преступника — предел его собственного деяния [8, с. 124]. Соответственно, учитывая различные виды изнасилования и возможность причинения различного вреда в результате совершения данного преступления, невозможно

назначать виновным лицам в одних и тех же рамках. При таком подходе не учитываются не только гуманизм и справедливость в отношении жертвы преступления, но нарушаются принципы законности и равенства относительно виновных лиц.

В РФ за совершение анализируемого преступного деяния не предусмотрены максимально жесткие по виду и размеру наказания: пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Невозможность назначения последнего вида наказания обусловлена Конституцией РФ, однако содержание квалифицированных видов изнасилования «требует» отклонения от указанного формата. Так, например, заражение ВИЧ в результате изнасилования — своего рода «медленное убийство» с особой жестокостью. Кроме того, история отечественного уголовного законодательства знает примеры применения высшей меры за совершение анализируемого преступного деяния при квалифицирующих обстоятельствах. Смертная казнь за совершение указанного преступления предусматривалась в Воинских Артикулах Петра I, в советский период (с 1962 г.).

Суммируя вышеизложенное, с учетом опыта законодателя стран СНГ в соотношении с российскими законодательными и социально-общественными реалиями видится целесообразным внести изменения в действующую редакцию ст. 131 УК РФ:

1. ввести в диспозицию ст. 131 УК РФ категорию «потерпевшее лицо»;
2. установить дополнительный квалифицирующий признак изнасилования: ч. 2 ст. 131 УК РФ: «г») совершенное в отношении 2-х и более лиц».
3. дополнить ч. 3 ст. 131 новым пунктом следующего содержания: «в») совершенное родителем, педагогом, близким родственником, либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего»;
4. изменить редакцию ч. 5 ст. 131 УК РФ: «деяния, предусмотренные ч.ч. 1, 2, 3, 4 настоящей статьи, совершенные лицом, ранее совершавшим насильственные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности»;
5. рассмотреть возможность ужесточения ответственности за совершение квалифицированных видов изнасилования;
6. рассмотреть возможность введения в ст. 131 УК РФ нового квалифицирующего признака: «совершение в отношении заведомо беременной женщины».

Список литературы:

1. Архив Приморского краевого суда. 2000 г. Дело № 2-171/2.
2. Дыдо А.В. Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006.
3. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации. М., 2003.
4. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976.
5. Коган В.М. Содержание наказания и его цели. М., 1988.
6. Комментарий к УК РФ / под общ. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2003.
7. Комментарий к УК РФ / под ред. А.В. Наумова. М., 2000.
8. Маркс К. Сочинения. Т. 1. М., 1975.
9. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М., 1955.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2014/12/12/plenum-dok.html> (дата обращения: 05.09.2015).
12. Права человека. Основные международные документы. М., 1989.
13. Сексология. Энциклопедический справочник. Минск, 1993.
14. Толковый словарь русского языка/под ре. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 2007.
15. Уголовное право РФ / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М., 2002.
16. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 2005.
17. Утямишев А.Б. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера, не связанные с изнасилованием: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.
18. Уголовный кодекс Азербайджанской республики [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: ugolovnykodeks.ru (Дата обращения: 18.04.2014).
19. Уголовный кодекс Кыргызской республики// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: kgcentr.info (Дата обращения: 18.04.2014).
20. Уголовный кодекс Республики Армения// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: km.unpd.sk (Дата обращения: 18.04.2014).

21. Уголовный кодекс Республики Беларусь// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.Pravo.by (Дата обращения: 18.04.2014).
22. Уголовный кодекс Республики Казахстан// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: online.zakon.kz (Дата обращения: 18.04.2014).
23. Уголовный кодекс Республики Молдова// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: base.spinform.ru (Дата обращения: 18.04.2014).
24. Уголовный кодекс РФ. М., 2015.
25. Уголовный кодекс Республики Таджикистан// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.legislationline.org (Дата обращения: 18.04.2014).
26. Уголовный кодекс Республики Узбекистан// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: fmc.uz (Дата обращения: 18.04.2014).
27. Уголовный кодекс Украины// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: kodeksy.com.ua/ka/ugolovnyikodeks_ukraini (Дата обращения: 18.04.2014).

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
LIII международной научно-практической конференции

№ 9 (49)
Сентябрь 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 01.10.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,875. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3